

СТАРЕЦ ВАСИЛИСК СИБИРСКИЙ И БЛАГОДАТНЫЕ ДЕЙСТВИЯ МОЛИТВЫ ИИСУСОВОЙ Память 29 Декабря (+1824)

Жизнеописание русского Исихаста Василиска, Сибирского монаха, было записано его присным учеником Зосимой Верховским сразу после его кончины и издавалось несколько раз, сначала Петром Григорьевым, в 1849 году, потом в 1863 г. в слегка измененном виде Оптиной Пустынью; основатели которой Моисей и Антоний были тоже в тех же пустынных Рославльских лесах, откуда вышел Старец Василиск.

В предлагаемом незначительном сокращении сохранен полу-славянский язык подлинника, разделенный нами на 19 глав, с целью подчеркнуть смирение и кротость старца Василиска, на котором, столь обильно проявлялась Благодать Божия, как свидетельствует другая книжка Зосимы «О Благодатных Действиях» молитвы Иисусовой.

СМИРЕНИЕ: ПРЕДИСЛОВИЕ СТАРЦА ЗОСИМЫ

ГОСПОДЬ БОГ, с высоты величия престола Своего милосердно заботясь обо всех кротких и преданных, принял под покров Свой и смиренного раба Своего старца Василиска, позволив тому с юности и через все его житие до старости пребывать в смирении. Особенным промыслом Своим устроил Господь, чтобы тот еще в детстве от невольной нищеты сделался кротким и смиренным отроком, так, чтобы потом сердце его, наполненное богатством благодати, уже не совращалось ни на правые, ни на левые распутья погибели, а неуклонно стремилось по пути освящения. Всю жизнь свою инок Василиск (в миру Василий) страшился, убегал и охранял себя от всех случаев и вещей возносящих, и до такой степени смирение вкоренилось в его сердце, что всякое возношение было ему вовсе чуждо и не свойственно. Одно только было глубоко напечатлено в нем: это сознание, что собственными силами невозможно устоять в постоянном смирении и не впасть в возношение, поэтому всегда молил Господа Бога, чтобы тот уберег его от дьявольского действия.

1. НИЩЕНСКОЕ ДЕТСТВО

Старец Василиск (в миру Василий) родом был из Тверской губернии, Калязинского уезда. Родитель его был крепостной крестьянин Гавриил и жена его Стефанида. Оба праведными крестьянскими промыслами нажили полный кувшин серебряных денег. Детей своих воспитывали богоугодно, внушая им веру Православную, страх Божий; они жили с надежанием на свои нажитые деньги.

Но Господь благоустроил в суетном том мире так, что желающим спастись полезнее быть в нищете, а не с богатством, в скорби, а не в отраде, в лишении, а не в изобилии. По сей причине и допустил Господь, что воры украли их деньги. Таким образом, потеряв серебряники, родители Василия стали бедны. Вскоре после того и мать его умерла; остался родитель один с тремя малыми своими сынами и, по нужде, взял

вторую жену в супружество. Отец по старости своей уже не мог трудиться и успешно промышлять, начал просить милостыню; старшего сына отдал в люди на прокормление, другого сына посылал по миру. Василий тогда был еще малым отроком, весь день плакал и звал отца да мать. Жили они в столь великой бедности, что даже и соли довольно не имели. Подросши несколько, Василий начал сам ходить и испрашивать милостыню. Однажды у купца разбился горшок с медом, и он отбросил к маленькому Василию медовые черепки; тот же благодарил Бога, что дал ему познать и медовую сладость.

В таких малых летах он часто размышлял о небе и как бы взлететь туда. Видя на образах святых ангелов, с крыльями изображенных, думал, что, взявши крылья, может и он летать. И так, держа в обеих руках крылья и множество больших перьев, влезал на возвышенные места и, махая руками, опускался вниз, но не мог полететь. Тогда и узнал отрок на опыте, что не крылья нужны из перьев, а нужно Богу угодить и возлюбить Его от всей души более жизни своей; по подобию всех угодников Божьих ничем в мире этом не прельщаться, о едином только богоугождении печься. И так, слыша от родителя своего и от прочих, что кротостью, смирением и послушанием Богу все святые угодили, Василий особенно стал пред всеми смиряться и всякие огорчения терпеливо переносить. Смотря же часто на монастырь, в котором почивают мощи преподобного Макария, Калязинского чудотворца, и наслышавшись о нем, что был он из благородных, огромное богатство имел и от всего Бога ради отрекся и, оставив мир, пошел в монашество, – узнавши все то о Преподобном Макарии, стал помышлять о себе, что ему невозможно спастись по великой его бедности; ибо ничего не имел, что мог Бога ради оставить, и крепко опечалившись, стал всеусердно искать клада, единственно для того, чтобы, нашедши, – оставить его. Чрез это, думал, будет он спасен, ибо и он оставит богатство, как преподобный Макарий; бедный же, казалось ему, и спастись не может. Крайне хотелось Василию слушать поучения от святых книг и проповеди в святой церкви и потому всегда в церковь ходил. В то время был в монастыре архимандрит Гавриил, (прим. Гавриил II-й Быков с 1738-1741 г. из Кашинского Дмитровского монастыря.) которого все похвалами превозносили за его поучения и который был потом в Петербурге митрополитом. Но Василию за множеством народа не было возможности приблизиться и, выходя из церкви с великим огорчением, молил он Бога, сам не зная чего просить, но только расположением всего себя предавал Богу.

И во все время, в простоте сердца своего с призыванием Божией помощи, пас несколько лет стадо без труда и еще с увеселением; ибо все стадо как бы само собой паслось вместе, волки не расхищали его, а сам в молитве пребывал. Когда же как человек и по младоумию своему разленился и оставил свое опасное хранение и страх Божий, тогда и все стадо вдруг изменилось: стало бродить во все стороны, и он с великим трудом беганием едва успевал собирать их вместе. А которых не успевал возвратить, те были волками растерзаны, других во многие дни едва успевал отыскать; из того ясно увидел, что вина такому изменению стада – его безстрашие к Богу; познал свои пред Богом погрешности, начал, боледуя, еще более в сердце смиряться.

2. БРАТИЯ

Когда все три брата пришли в совершенный возраст, тогда все трое истинно от всего сердца возжелали служить Единому Богу, отказывались от супружества и проводили жизнь свою в трудах и работах со всяким опасением и целомудрием. Родитель их отдал меньшого сына Василия в добрый и исправный дом в зятя, и он, живя там в супружестве, часто оттуда приходил к братьям своим, и всегда ревновал их безбрачной жизни. Получая же наемные деньги, едва могли между собою разделить их, потому что братья так ему говорили: «Васильюшка! Ты светский, возьми все деньги себе, у тебя жена и нужно тебе с большею добычею в дом к тестю возвратиться». Он же отвечал: «Нет. Вам нужнее взять, чтобы вам достало на содержание и вы бы менее были в суетных трудах и более бы молитве и безмолвию прилежали; а вашими молитвами благословит Господь Бог и дом тестя моего». И так долго споря, едва согласятся поровну разделить.

Брат старший Василия до того прилепился к любви Божией, что начал сказывать (волостному) голове и старостам и всем крестьянам: «Что хотите со мною делайте, а я более не могу себя принудить на добывание в уплату податей, не могу службу церковную и собственные мои правила молитвенные упускать». И слышал это народ волостной, и призвали тогда отца его в суд и спрашивали: «Зачем ты детям своим так ослабно попустил жить, что не могут придобыть на подати?» Он же отвечал: «Я их никогда не учил, чтобы податей не платили. А что они всею душою за Бога взялись, за то я их бранить не могу и возбранять богослужения не хочу. Самого его об этом попросите». Старики, зная сына его, Козьмы, великое смирение и Богу усердное служение, не смели никогда возбранять ему так по Богу свою жизнь провожать. Но (волостной) голова, слыша от невежествующих и злобных людей, чтобы побил за это их отца: зачем так попустил детей своих жить? – велел положить отца их на землю и высечь. Но сын его Козьма, не давая бить отца, говорил: «Отец мой не виноват! Я виноват, меня и бейте, а не отца моего!» И так сам лег, но отца своего не давал бить. Голова и к ним все присутствующие старосты и выборные разъярились и единогласно сказали: «Если же он отца жалеет, то самого его гораздо надо выстегать!» И, снявши с него верхнюю одежду, увидели все едва не всю рубашку его в крови и ужаснулись, найдя на голом теле его власяницу, а под власяницею – вериги из цепей железных, которые впились в тело его, и многие раны под ними окровавленные. Тогда все зрители единогласно сказали: «Лучше нам свечи Богу не ставить, нежели такому воспретить Богу служить... и всего-то нам достанется копейки по две на душу за него заплатить!» И так оставили Козьму без наказания, освободили от всех податей и дали ему свободу. Не в долгом времени и другому брату увольнение дали, видя и его ревностное к Богу стремление. Третий же брат, Василий, живя в доме тестя своего, начал учиться грамоте и увещевать свою жену, чтобы и она возжелала в чистоте Единому Богу служить, на что та вскоре согласилась, и они условились испытать себя – в силах ли будут прожить безбрачно и целомудренно, и тогда же разлучатся друг с другом навсегда. Три года они себя испытывали, Василий же, вышедши из дома, ходил и проживал срок, означенный в паспорте, не на работах, а по разным монастырям.

3. ТЯГА В ПУТЫНЮ

Василий, насмотрясь в разных монастырях и от многих разсудительных и подвижных монашествующих отцов и братий наслышавшись душеспасительных наставлений, особливо о пустынном пребывании, непременно возымел намерение оставить свою жену, уйти из дома тестя своего и поселиться к пустынножителям. Но не имея увольнения, с которым бы можно было ему везде жить, оставил и жену и дом тестя своего, перешел к старшему брату своему Козьме, сказав жене и тестю своему, что он уже решительно восприял Единому Богу служить. Зная такое твердое его намерение, не смели ему противиться и отпустили с мирной совестью. Василий стал жить у брата, много раз собирался было оставить брата и пойти в пустынное житие или в монастырь на послушание, но брат Козьма, всячески воспрещая, не отпускал, представляя, что угоднее будет для Бога, если Василий послужит ему болящему, нежели его одного больного оставит и постнически будет в пустыне или монастыре подвизаться. Таким образом увещевая, говорил ему: «Потерпи, даст Бог, придет время такое, что можно будет тебе меня немощного оставить». Но Василий, будучи влеком желанием в монашеское житие и весьма желая между монашествующих отцов житие свое проводить, умыслил тайно уйти, но, не имея у себя увольнительного вида, решился взять братнее вечное увольнение и назваться братним именем. Оставя брата одного, ушел Василий тайно и пришел на перевозное судно, чтобы потом следовать в намеренный путь. Но паром, отдаляясь от берега до половины реки Волги, остановился и никак не шел на другую сторону. Все находившиеся на судне в великом удивлении были недоумевая, всячески помогали насильно веслами, но ничего не успели; так и назад воротились. Василий же, смотря на такое чудо в помышлении своем, уразумел совестью, что это из-за него паром остановился на середине реки: значит, не благоволит ему Бог от брата уходить тайно да еще и под чужим именем. Когда пристали к берегу, он сошел с парома; оставшийся же народ с возами назад пустился, желая изведать, не удастся ли переплыть, – и паром пошел обычным ходом стройно, без всякой остановки. Тогда брат Козьма сказал ему: «Вот видишь, брат Василий, моя правда: грешно тебе болящего меня оставлять; потерпи, даст Бог и тебе свободу». И когда он тайно взятое увольнение братнее хотел на первое место положить, увидел, что не братнее увольнение брал, а свой старый исходящий вид. После такого урока, покоряясь воле Божией и уже не смущаясь более, жил у брата, отправляя свое молитвенное служение и поклонное правило, и ежедневно ходил в церковь Божию на службу. Живя у брата, Василий совсем выучился читать и писать; имея же неутолимое желание пустынного жития, много выписывал из разных книг разные отеческие слова и сказания, дабы иметь их с собою в пустыне, ибо по бедности не имел ни одной собственной книги. Прежде, когда в доме тестя своего жил, то для промысла делал глиняные горшки. Переселившись же к брату, сучил свечи восковые для церкви, тем себя и содержали. Также и от благотворителей получали милостыню, ибо любимы были не только простым народом, но и господами за свое богоугодное и смиренное житие, и все их называли богомолами. Многие же, взирая на

их доброе житие и слушаясь их советов, исправлялись и начинали жить лучше: пьянствующие стали уклоняться от пьянства, молодые – от пирушек и гулянок, скупые подавали милостыню, развращенные на целомудренную жизнь обратились, гневные и досадители любовны и кротки стали, ленивые и удаляющиеся от Божия служения приходили к ним послушать Святого Писания и вместе с ними молились; одним словом, всех по приличию наставляли. Также и жены и девицы многие от них поучались. Несколько горожанок девиц, купеческих дочерей, по их совету оставили дома свои, поставили себе уединенную келию и жили под наставлением брата его Козьмы наподобие затворниц – никуда не выходили, только летом ходили в ближайшии поля и рощи за лесными и полевыми плодами с величайшим опасением, целомудренно, с молчанием и много друг ко другу благоговением и почитанием.

Так жили братья безпечально и нестяжательно; и когда случалось иметь нечто излишнее, подавали требующим. Многие стали к ним приходять: иные желали помолиться вместе с ними, другие просили их советов, третьи помощи, ибо не только все городские жители, но и господа окрестные любили Козьму и уважали. Голова и все волостное общество, видевши такое их по Богу нелестное постническое смиренное житие, уволили и другого брата, Максима, отпустили к брату его Козьме и обещали никаких уже с них податей не требовать и всякие крестьянские повинности за них исправлять. Поручили только брату Максиму ходить три года с образом и собирать на церковное строение.

В то время старший брат Козьма-больной и сказал меньшому Василию: «Вот теперь, если желаешь пойти в монастырь или на пустынное житие, иди с Богом; брат Максим на место твое пришел послужить мне немощному», – отпустил его с миром и благословением.

4. ЖИЗНЬ В ПУСТЫНИ

Василий, не имея вечного увольнения, брал плакатный прокормежный паспорт и с ним ходил и проживал у разных подвижников и уважаемых отцов монашествующих, которые советовали ему идти жить к пустынножителям, потому что по прошествии паспортного срока не станут его держать в монастыре. Пришел Василий в монастырь Введенский под Москвою и видя там строго-подвижнически живущих старцев, начал проситься, чтобы его приняли в сожительство. Тогда сам настоятель пошел с ним один за ограду к озеру; а в ту ночь был мороз, озеро и затянуло. И сказал ему настоятель отец Клеопа, (прим. Ученик Преп. Паисия Величковского) искушая его: «Иди побегай по льду, крепок ли?» – зная, что не может выстоять лед, одну ночь только замерзший. Василий, нимало не противореча, ни помыслив, что не подымет лед, побежал. Тогда возбранил ему настоятель и сказал: «Благо тебе будет, сын мой, и преуспеешь в монашестве, если всегда так послушлив будешь с отцом духовным!» Напутствовав его, любезно благословил и отпустил на безмолвное пустынное житие.

Слышав же о многих пустынножителях, которые живут в дачах господских, Василий усомнился с ним идти за маловременностью своего паспорта. Пошел в казенные места к селениям чувашским, нашел там

живущих пустынников: Павла книжного и Иоанна безграмотного, который был кроток и смирен нравом и прост сердцем.

Отец Иоанн был престарелый и слепой, но богомыслием, просвещенный и боголюбием объятый, кротостью, терпением и смиренномудрием удобренный и великую веру к Богу имеющий, когда уже и ослеп, не хотел оставить свое пустынное житие. Говоря: «Если благословит Бог, то не оставит и умудрит меня, слепца!», протянул лыковую веревку от келии своей до дороги, проложенной в лес, и там на своем костыле повесил кошницу. (прим. Корзина, кошелка, плетуха) Проезжающие люди, зная, что она повешена отцом Иоанном, клали ему по усердию своему хлеб и прочие пропитание, и таким образом, держась за веревку, старец сам ходил до кошницы и что находил, тем и питался. Христолюбивые же люди во время посещения своего и дров ему нарубят, и одежду подадут; одним словом, с великим попечением любили его. Так жил он еще до прихода к ним на поселение Василия.

Полезно объявить о кротости и безгневию сего отца Иоанна, ибо всю свою жизнь Василий (старец мой), вспоминал его незлобие и терпение. Однажды случилось – долго никто Иоанна не посещал, а он слеп, не видел, где найти дров, и так три дня зимою печь не топил и едва в третий день не замерз, и от великаго холода согревался, толча пестом в ступе, и мучил себя. Однако по старости скоро ослабел и не мог более толчением согревать себя, и уже не чаял живым остаться, но тот же день пришли к нему посетители. Много раз случались ему озлобления и обиды, но никогда отец сей не прогневлялся на обижающих его. Однажды нашло множество народа: пожилых, парней и девушек к его келии, по обычаю своему, венки на деревьях завивать, и пред окнами его стали петь, плясать и всякие нелепости делать, отнюдь не уважая его. Но отец Иоанн ничего досадительного не сказал им, ниже пожаловался на них кому, а кротко в молчании перенес все. Да и от сожительствовавших с ним, соседствующих ему, отцов много неприятного и огорчительного терпел. Василий, все то слыша и видя такое его богоугодное нестяжательное смиренномудрое житие, возлюбил его и восхотел при нем до кончины послужить ему как угоднику Божию, и не обманулся: кончина Иоанна явно показала, как много он угодил Богу до конца. Ибо когда он разболелся, тогда сказал ему старец мой Василий: «Хочешь ли, я схожу за священником – исповедать тебя? Ты очень худ и крепко заболел». Отец же Иоанн отвечал ему: «Нет, не ходи. Когда мне придет день умереть, тогда я болеть не буду и еще года полтора проживу». И выздоровел. Когда миновало полтора года, призвал Иоанн к себе старца моего и просил его сходить за священником. Василий же и говорит ему: «Скоро настанет пост и тогда призовем его для всех нас» (то есть и для них, двух служащих ему). Он же сказал: «Нет, теперь иди и умоли прийти, не доживу до поста». Василий пошел за священником. Тогда отец Иоанн сам приготовился, умылся, надел белую рубашку и сел в радостном духе: лицо светлое, точно ангел Божий, а сам бледный, худой и умиленный, волосы на голове и борода белые, одетый весь в белое, и так ожидал священника, духовнаго своего отца. И когда по исповеди причастился Святых Таин, еще более возвеселился и обрадованным казался о извещении своего к Богу отшествия; по отпуске священника сказал старцу моему, чтобы тот шел и отдохнул после труда хождения своего. Остался при нем другой

брат, живший с ним. Тогда отец Иоанн пришел в восторг, много благодарных, любительных молитв простосердечных к Богу изрек с крестным знаменем, посидел в богомыслии в совершенном разуме и здравии, потом вскоре сказал: «Простите!» – перекрестился, лег на правую сторону и испустил дух свой.

От сих двух отцов – Павла и Иоанна много воспользовался мой старец Василий, ибо крайне стал опасаться – на себя вознадеяться или следовать своему мнению, видя такого мужа, как Павел, разумного, книжного и подвижного, но за непринятие усердных советов в такое лютое безумство низведшагося и до такой степени прельстившагося; напротив того отец Иоанн – смиренно пожил и за то блаженно так и свято скончался. Посему-то старец мой Василий вседушно возжелал быть у какого-нибудь разсудительного отца в повиновении.

Когда он проживал с упомянутыми отцами, то крайне желал подвижническую жизнь вести, а потому на продолжительное моление и на всенощное бдение вдавал себя и Божиею помощью понуждал себя на все трудное и скорбное: от прихотных пожеланий и от всякаго сладкаго многонасыщения, и пития, и сна особенно воздерживать себя, не брал лишних одежд, ни денег. От всего излишняго опасно себя хранил; днем в чтении святых книг и в рукоделии упражнялся, ночью в молитвах, особливо в чтении псалтири и в богомыслии углублялся и поклонное правило отправлял. Более же всего всенощному бдению себя вдавал, особливо на святые праздники подвизался сон преодолевать. И все один, не имея сообщника, согласно ему на бдение, потому что отец Иоанн был очень стар и ветх силою, отец же Павел сам не соизволял, однако и Василию не возбранял. И тот трудился, провождая ночи праздничные без сна, с великим трудом и изнеможением, ибо тогда еще не знал Василий о внутреннем в сердце молитвенном внимании. Потому-то, особенно в осенние и зимние долгие ночи, с великим усилием, всячески себя одобряя и разбивая нападение сонное стоянием да поклонами, выходил на холод, приносил дрова на потребу дневную и приготавливал пищу. А когда сильно томился от сна, тогда печь растоплял и принимался за какое-нибудь рукоделие, всячески ухитряясь преодолевать сладость сна. С того времени по всю жизнь свою на праздники бдение совершал и не оставлял, кроме случаев великой болезни.

5. УЕДИНЕНИЕ

По лишении обоих сих пустынных отцов стал старец мой жить один. Тамошние жители чуваша весьма любили его и приносили ему все потребное для жизни. Но чтоб своим приходом не тревожить, клали принесенное у дверей, а сверху – палочка крестообразно; это делали для того, чтоб он несомненно брал, и так принеся и положивши, уходили. Он жил там со всяким довольством и успокоением. Он был любезен для всех за свое благоразумие и смирение, которое одно только считал благоугодным. Он безпокоился, что сам собою управляет; тужил о сем, желая быть в повиновении у какого-нибудь доброго отца.

Один из странствующих братьев рассказал Василию, что в брянских лесах живет в пустыне с учениками Иеромонах Адриан, (прим. Старец Адриан пострижен в Симоновом Монастыре в 1772 году, а в 1776 году начал жить в

лесу, в 1790-м – перешел в Коневскую пустынь устроителем, а в 1800-м возвратился опять в Симонов, где 1801 года посхимлен, а 1812-го скончался.) ведущий богоугодную жизнь, а недалеко от него живет другой старец простой, Варнава монах, с учеником Илларионом. Случилось, что как-то ночью пришли разбойники прежде к отцу Варнаве и потребовали у того денег. Но у него не было ни полушки; они же, не веря монаху, били его немилостиво, едва живым оставили; ученик его Илларион бежал к Иеромонаху Адриану повестить о нападении разбойников. Услышав о нападении, ученики того отца разбежались: один в село сказать, другие скрылись в лесу. Пришли к отцу Адриану, разбойники также требовали денег; думали, что он, как Иеромонах, берет от господ деньги за исповедь. Но он ни от кого денег не принимал, а брал только что нужное для жизни, съестное и на одеяние, но разбойники и ему не поверили и били и мучили отца безчеловечно. Видевши же, что нет у них денег, обобрали всю одежду и ушли, оставив тоже и отца Адриана еле живым. Ученики, возвратившись и увидевши своих отцов без милости избитых, всех в крови и ранах, крепко измученных, возплакали горько; и с того времени во всякую ночь весьма боялись вторичного разбойничьего нашествия. От лютых побоев отец Варнава не мог выздороветь и умер; там в пустыне и погребли его. Отец Адриан через долгое время едва выздоровел...

6. О АДРИАН.

Когда увидел отец Адриан, что старец мой, тогда еще называвшийся Василием, весьма богоугодно живет, превосходнее всех его учеников в постнических делах преуспевает; особливо за повиновение и кроткий его обычай и за благоразумное, смиренномудрое его рассуждение, то постриг его в мантию с таким завещанием и его собственным обетом, чтоб через всю жизнь проводил житие свое в пустынных пределах; и на пострижении дал ему имя Василиск. С того времени Василиск еще более возжелал уединенного пустынного жития и часто просил отца Адриана отпустить его одного жить в безмолвии.

Но Адриан, хотя и видел, что нравом тот смирен и может сам в безмолвии жить, не отпускал от себя, впрочем, обещал вскоре отпустить. Такое удерживание весьма прискорбно было старцу моему Василиску, но не смел он своевольно пустыню оставить, боясь Божия негодования.

В то время возымел желание и я, грешный Зосима, ученик старца Василиска, пойти в иноческое звание. Читая же в Четь-Минях (прим. Четьи-Миней – двенадцать книг на каждый месяц, в которых собраны жития святых в порядке празднования памяти их.) жития святых отцов, много удивлялся, как св. отцы одни жили в отдаленных глубоких пустынях, потому из любопытства и прибыл к сему пустынножителю Адриану, он же встретил меня с большою радостью и благоприятием. Тогда один взор на него привел меня в изумление: ходил он в худом разодранном платье, а сам был худ и бледен, тонок и сух телом и высок ростом. Один вид его в великое удивление меня привел, и я пробыл у него два дня, изумляясь на все поступки и вещи, и дела отшельников. Видел, что все у них бедное, простое и необузданное, только что нужду их удовлетворяющее, видел, как они ночью, пробуждаясь, вставали на богомолие. На трапезе же всем

поровну подавалось одно постное; не было у них ничего молочного, ни хмельного, только пустынные и огородные снеди, а питье – вода и квас. Как сам отец Адриан, так и все с ним соживущие были кротки, молчаливы и послушны. И все прочее, бывшее у них и от них самих показуемое мне, заставляло меня недоумевать и изумляться, особливо когда не взяли от меня подаваемых мною денег. Это меня так чрезмерно удивило, что я, не утерпевши, сказал: «О диво! Есть же такие люди, которым деньги не надобны и которые о временном не заботятся; такую провозждают жизнь, к которой невозможно иметь пристрастия или за что друг на друга оскорбляться и негодовать: у всех только едино – Бог и попечение о спасении!» Да и как им к чему-либо пристрастие иметь, когда у них ничего нет собственного? По видимому, хотя нечто и имеется у них, но почитается все принадлежащим отцу их Адриану. Если он что и принимает от благотворителей, то берет и бережет не для себя, а ради соживущих с ним братьев, потому ничего и не присваивает себе, а почитает все общим. По воле и желанию своему иноки ничего не делали, но управлялись и повиновались непрекословно во всем отцу Адриану. У всех равенство, и никто ничего своим собственным не признавал: оттого были между ними мир и тишина, в совести любовь и радушие; у всех словно одна душа и одно хотение. Достохвальнее же всего то, что друг к другу имели непритворное усердие и без лести друг друга почитали и уважали благоговейно. Все самолично я видел, ибо многократно потом посещал их, и так, вразумясь и настаивая от них, помыслил в себе: как счастлив я буду, если сподоблюсь вести подобную им жизнь, беспечальную, спокойную, только на угождение и служение Единому Богу безпрепятственно посвященную. И так положил в сердце моем твердое намерение вселиться с ним, и поспешил ехать в Петербург для получения от полка отставки и потом воспринять жизнь монашескую.

При отъезде моем дал мне отец Адриан письмо к своему духовному сыну Иосифу Архимандриту и Киевского монастыря наместнику, который был тогда в Петербурге, и отписал к нему все подробно о себе. Иосиф же, получа от меня это письмо, весьма обрадовался и тотчас доложил о нем Митрополиту Гавриилу, который вскоре послал письмо, приглашая отца Адриана приехать к нему в Петербург, а по приезде отпустил его жить в монастырь Коневец и повелел устроителю монастыря во всем покоить его.

Отец Адриан, отъезжая в Петербург, дал старцу моему Василиску благословение жить на том же месте в какой захочет келии: в его ли, или в келии отца Варнавы, ибо все келии запустели. Тогда говорил сам себе старец: «Вот Бог исполнил твое желание; теперь должен ты подвижнически жить».

7. СТРАХОВАНИЯ

Оставшись один, старец Василиск вел подвижническую жизнь, претерпевая разные борения, искушения и мучительные сны с привидениями бесовскими разнообразными, в ужасный страх приводящими. Потом неоднократно рассказывал мне старец, как бы жалуясь и улыбаясь, что ночью в тонком сне беспокоили его духи тьмы, иногда устрашая, иногда толкая в ребра, иногда намереваясь его заколоть. Пробуждаясь от

сна, слышал от них: «Ты здесь один, а нас много, всячески погубим тебя!» Иногда сидевши, углубясь в молитву, впадал в естественное изнеможение и засыпал тонким сном, в коем видел и различные духовные видения. Видит как-то он, что носит Иисуса Христа в виде младенца, причем слышит повеление, дабы он имел сие дело, то есть носил бы Иисуса Христа до тех пор, пока Он возрастет, носил бы во всю свою жизнь, до самой смерти, хотя и должен будет Его ради встретить поношение, причем Господь будет хранить его. Пробудившись в любви, радости и благодарности к Богу, старец долго плакал.

Иногда в таком же состоянии сна видел как бы рай, утешительной и неизобразимой красоты дома, жилища и места, и, пробудившись, также умиленно плакал. Также видал и страшные мучительные места и, возбуждась, в сокрушении плакал. Иногда предугадывал некоторые перемены в своей жизни и в обстоятельствах некоторых отцов, что по времени и исполнялось в точности. В подобном состоянии сна прозревал иногда будущие награды праведных и наказания грешных. Однако не мог их уподобительно изъяснить, по превосходству славы праведников и мучения грешников. Также видал он иногда кончину мира и многое другое, к умилению и слезам приводящее. Много раз от нестерпимого ужаса он изнемогал и крепко унывал и тосковал, пока дождется света. А как только ночь – такая находит скука, ужас и тоска и страх берет его, что опять ночью страдать будет, и тогда старец мой, как человек малодушества, недоумевал, что делать. Ко всему этому телом немощен и болезнями одержим был; питался пищею простою, неусладительною, более суровою и сухою; от сладкой, например, от меда, молока, воздерживался, пил чем-нибудь травным, подобным чаю, и на праздники себя не утешал; сон имел неуспокоительный, на жестком ложе и деревянном возглавии; по случаю присылаемую хорошую пищу иным раздавал. Великую веру и любовь имели к нему многие, между прочим и Архимандрит Геннадий, который и посещал его по временам и присылал ему холсты, мед и доброй рыбы. Получа что-либо подобное, старец сам хорошего не ел, но по обычаю раздавал посещающим его братьям, только малую часть у себя оставлял, да и того малого сам он не ел, только вместе с посещающими малость вкушал. Меду небольшой сосудец иногда стоял у него года по два и по три без употребления, ибо только посещающим представлял, а сам один даже и во время болезни разве жиденьким отваром вместо чая себя удовлетворял. Для потреб своих или скуки ради в села или деревни никогда не ходил, но на Божий промысл упование возлагал. Однажды оскудела у него мука и всякое съестное, пекущиеся о нем крестьяне не посещали его с начала зимы, сам он не шел в деревню, но говорил себе: «Если Господь не вложил им в сердце наведать меня, то и мне следует покориться благоизволению Божию и за грехи мои терпеть и питаться тем, что есть». И так всю зиму провел, питаясь одним картофелем.

Бояре так уважали его, что часто брали у него обычный его хлеб и в дом возвратясь, разделяли своему семейству; или, получа его рукоделия ложку или трость простой работы (он не умел искусно и красиво делать) подавали ему за то несравненно более для потребности его нужное, нежели иным пустынножителям, хотя у тех и весьма изрядно было сделано. Ибо старца за простой нрав и кроткое обхождение и господа, и священный чин, и все крестьяне, особливо свои братья монашествующия и все

пустынножители, там жившие, весьма почитали, любили и уважали. За то и он посещал по временам пустынных, к дальним ходил и по месяцу у них гостил, ближние поочередно друг к другу по праздникам сходились и вместе всенощное совершали моление ко Господу и все собравшиеся вместе ничем иным не занимались во весь этот день, только чтением, духовными разсуждениями и дружеским между собою обхождением, отнюдь не нарушая благоговеинства своего. А хозяин один уже пекся о трапезном устройении и приличном угощении. Если же у которого хозяина не было потребных запасов, к тому все нужное другие с собою приносили.

И, таким образом, святой праздник проводили в дружелюбном между собою обхождении, прохаживаясь по лесу, по рощам и долинам пустынным и ведя духовные беседы. И если который отец или брат, или ученик что недоумеет или двусмысленное находит во Святом Писании, тогда, предлагая на собор, общим разсуждением разрешали недоумение: всякий по силе своего понятия подавал свое мнение. Принуждали иногда прошением и старца моего Василиска, чтоб и он объяснил, что неудобопонятное или двусмысленное. Тогда старец, да не явится упорным и непокоривым, опасно соблюдая себя от сих пороков, с великим смирением отвечал: «Я совсем невежа; только послушания ради скажу». И потом говорил, что может. Услышавши же его разсуждение и толкование, часто находили, что оно совершенно удовлетворительно. Старец Василиск так был милостив и сострадателен, что даже не мог и лошадь ленивую ударом подогнать, только голосом и ласковыми словами понуждал, а если лошадь голоса его не слушалась, то он и так оставался: лучше сам претерпит продолжительный путь, нежели от нетерпения ударит ее, и для обуздания самого себя говорил к себе: «Монашествующие обязаны никого не обижать». Никогда не мог видеть старец наказания, не мог даже видеть скотов или овец или птиц, невинно убиваемых, или равнодушно смотреть на заколение их, или на рыбу трепещущуюся. Да и живую никак не мог ее чистить, потому и ловить ее сам уклонялся; а пойманную брал в руки свои и, любясь, смотрел на нее не потому чтобы хотел ее есть, но за красоту и доброту ее приятного вида, и прославлял Создателя, что такую прекрасною ее сотворил. Потом как бы от нее слова говорил: «Пусти меня, и я еще поживу так свободно по твоей милости, как и ты. Я только тем и повинна, что не имею рук вынуть себя из сети, уловившей меня, но так же чувствую боль и так же хочу жить, как и ты, и свободу люблю. Пусти меня, пусти, если ты милостивый!» – и так, побеждаясь милостию и состраданием, отпускал, чтоб не видеть живых и трепещущихся.

Старец не готовил заранее молочного разговенья для Светлого Воскресения Христова или Рождества Христова, веруя, что Господь и в эти дни о всех промышляет. Однажды перед наступлением праздника Светлого Воскресения Христова пришел к старцу соседствующий брат пустынножитель и приглашал его идти с ним в село, там во святой церкви помолиться и приличным брашном (прим. кушанье, пища, еда) на такой великий праздник разговеться и, от благотворителей напутствовавшись такими же снедами, вскоре возвратиться. Но старец мой не согласился и сказал: «Мы умерли миру и Бога ради удалились от мира, а потому мы уже не потребны миру и с ним нам ликовать не годится, и если брашна

ради пойти к мирянам, то не оправдимся пред Богом, Богу приятнее здешнее наше уединенное моление; праздник наш – в лишении и недостаточестве всякого телесного утешения. Но силен Господь и постную нашу пищу Он преложит в манну, и горькую воду – в сладостное питье, и утешит нас духовным веселием и утешением паче всех мирян пирующих и ликующих, и веселящихся. Такие великолепные божественные дни, особливо Светлое Христово Воскресение, подобает нам святить, а чем иным освятим, если не тем, что препроводим такие дни неразвлеченно, внутренно приседа Господу, и в чтении Святого писания и в богомыслии и молитве. Если же унываем и терпеть скуки не хотим, то как скажем: «терпя потерпех Господа и внят ми и услыша молитву мою»? К тому же мы не так далеко живем от селений и живут там не варвары, а весь народ православный, всячески кого-либо подвигнет или позвать нас, если нам на пользу к ним пойти, или принести что нам на сии дни праздника на утешение». Но брат не захотел старца моего послушать и сказал: «Кто к нам захочет пойти в такой день? И мы будем в скуке без всякого утешения; так я же один пойду и тебе принесу разговеться, будем всю эту Светлую Седмицу праздничные брашна есть». Так и не послушал старца моего и пошел с надеждою на многих христоролюбивцев и приятелей своих, которые прежде никогда не оставляли и всякие потребности подавали ему.

Придя в село, нашел брат уже всех в церкви, а в домах хозяева, все в великих суетах, готовили и стряпали приличное на праздник, и все единогласно отреклись заниматься с ним и беседовать, отзываясь недосугом. По окончании же св. Литургии лучшие его благодетели пошли в кабак, а из кабака ходили большими толпами друг к другу, вовсе не обращая внимания на присутствие братнее, и ни один знакомец не позвал его даже на трапезу к себе разговеться. Словом, от всех был презрен и забыт, а некоторые даже и насмехались: вот, дескать, пустынножитель спасается между пьянствующих! Так он голодный и возвратился к старцу и рассказал все случившееся с ним. Старец, видя, что брат голоден и ничего с собою не принес, представил ему трапезу такую, за какою он с великим домогательством ходил и не получил. Тогда брат стал крепко раскаиваться о своем неповиновении и малодушии и предложенное от старца ел с зазрением своей совести, а старец опять сказал ему: «Вот как о всех промышляет, что и меня недостойного, уповающего на Его благодать, не презрел, но подвиг самого духовного отца моего священника, чтобы прежде всех ко мне отнесли. И прислал тот мне довольно пшеничных пирогов, сковородного печенья, яиц, рыбы; а тебе не послал, уповая, конечно, что ты сам, бывши в селе, напросишь еще более у благодетелей».

8. О ЗОСИМА.

Теперь скажу о себе. Я – его ученик, недостойный Зосима. Когда еще был я в светском звании и посещал общего нашего духовного отца, пустынножителя Адриана (который потом схимником преставился в Симоновом монастыре), тогда много от сожительствовавших с ним слышал о старце Василиске: что он старец богоугодный и подвизался более всех пустынножителей, потому и уважают его все за кротость и

благоденствие его, и советовали мне, если желаю пустынного жития, чтоб не с иным кем, а с ним бы сподобился пожить. Добро бы тебе было, говорили мне, если бы он преклонился принять тебя к себе или хотя бы дозволил жить близ него под его управлением и надзором; но и отчаивались, сказывая, что многие усиленно просили его о сем, но старец никого не брал к себе. Наслышавшись так много хорошего о нем, я еще более возгорелся усердием и любовью к нему и непременно решился в сердце моем ни с кем не жить, кроме него.

Однажды, как я был у него, объявил мне старец, что паспорту его срок прошел. Я радостным духом обещал ему новый достать и, доставши новый паспорт, возвратился к нему больной. Тогда он, видя, что я от такого трудного пути заболел, и за мое чистосердечное к нему усердие преклонился принять меня к себе, только наперед советовал поискуситься и навикнуть в монастырском житии и потом уже к нему идти. По прошествии года, не имея случая, кто бы ему паспорт новый добыл, старец пошел сам. Пришедши же к братьям своим, не хотел, чтобы кто уведal о нем; оттого никому не показывался, жил у брата в нежилой его келии неисходно, ожидая пока брат паспорт ему постарается переменить, но не на год, а более.

Спустя недолгое время у городского купца неизвестно куда девался сын. Тогда, по просьбе купца, повелел городничий все дома обыскать, не скрывается ли тот где, и дошли осмотром и до братьев Старца Козьмы, и когда нашли моего Старца Василиска, в особенной келии сидящего, то искатели подумали, что он и есть сын купеческий или иной беглый, и взяли его в полицию. Там узнавши от него, что он сам крестьянской округи сего города Калязина, не могли поверить одним его словам, отослали его в земский суд к исправнику и надели на него оковы, как на беглеца. Тогда старец, хотя по плоти и малодушествовал от боязни, но духом благодарил Бога, что сподобил его быть узником. Когда привели его в суд, велел исправник розгами его сечь, чтоб сказал всю истину о себе, и когда начали сечь, тогда услышали, что задержанный сей не исправника молит, а к Господу Богу взывает умильными словами, так что всех вокруг его стоящих привел в жалость. Тогда исправник, познав, что невинного человека так обидел, тотчас позвал волостного голову и старост и сказал им: «Зачем такого, желающего Богу служить, удерживают и не дают увольнения?» И повелел немедленно дать Василиску вечное увольнение, говоря: «Если общество не примет за него подати платить, то я буду за него вносить». Тогда же и дали ему увольнительный вид и сам исправник засвидетельствовал и, отпуская старца с напутствием, просил у него прощения, что он в неведении так его наказал, и завещал молиться за него Богу. Равно и старец Василиск от всего сердца благодарил исправника за оказанную ему великую милость, обещая за него молить Бога.

9. ЕДИНОМЫШЛЕННЫЙ БРАТ.

Старец, получа увольнение, недолго пожил с братьями, скучая от многопосещающих, и пошел поспешно в пустынные свои пределы, хваля и благодаря Бога с удивлением Его промыслу, как из скорбного вдруг предлагает на радостное! Достигши своего пустынного обиталища, начал в мирном духе жить, мало рукоделием занимаясь, а все время проводил в

чтении священных книг, выписывая из них места, угодные его сердцу. Молитвенное служение имел продолжительное, сверх канонов и поклонного правила читал по десяти кафизм. Читал же неспешно, так что едва три часа выходило ему в сутки на рукоделие, и сам себе говорил: «Теперь нет тебе извинения, если не молишься Богу, ибо получил увольнение не для работы, а для моления». За это его любил и господин, на даче которого он жил, и все знавшие его, а сам старец никуда не ходил из пустыни, ничего не просил для пожелания своего, и терпел, всю надежду возлагая на Бога. Тогда я, ученик его, уехал в С.-Петербургскую Епархию в монастырь, именуемый Коневец, и, живя там, был в повиновении у Отца Адриана. Он же за нелестное мое к нему повиновение любил меня много. Но мне весьма желалось пустынного жития, особенно жития вместе со Старцем Василиском: я много раз просился отпустить меня к нему. Но Отец Адриан всячески уговаривал меня потерпеть, говоря: «Мы отпросимся для сбора в тамошнюю сторону, тогда и его возьмем из пустыни сюда и тебя отпущу к ним жить поблизости».

Таким образом, по прошествии года были мы в той стороне и посетили всех пустынножителей. Бывши же у Старца Василиска, начал звать его Отец Адриан, чтоб перешел к нему на житие в монастырь Коневец, обещая, что он более будет успокоен, нежели в пустыне, где, живя один, терпит различные искушения и нужды; да и Богу угоднее, когда при отце духовном он пожелает жить. Еще обещал ему Отец Адриан в отдаленности от монастыря, по желанию Его, келлии поставить в лесу для обоих нас вблизи друг от друга и меня ему вручить, чтоб я всегда с ним в отшельничестве жил, получая из монастыря все потребное. Только по праздникам, если захотим, будем ко всеобщему служению приходить и по отслушании св. Литургии возвращаться в свое отшельничество. Приходя в монастырь, можем с духовными разсудительными старцами духовными беседами пользоваться. И многими такими увещаниями убеждал его, но Василиск никак не соглашался, говоря, что он совершенно успокоен и всем доволен и тоже имеет, хотя и не близко, соседствующих пустынножителей, весьма его любящих и готовых во всем ему вспомоществовать, особенно же потому не хочет свое пустынное место оставить, что никто ему не препятствует и не смущает; то есть близ него тогда живущих не имелось. Видя его непреклонность, Отец Адриан сказал ему: «Если не послушаешь меня, то отныне не сын ты мне духовный и не приму тебя на дух, и да будешь ты связан от меня яко преслушавый своего духовного отца!» – ибо он постриг его в мантию. Тогда восплакался старец Василиск и дал обещание ехать с ним; мы все, услыша его согласие, возрадовались; но как Отцу Адриану нужно было еще побывать у некоторых благотворителей, то мы и оставили Василиска, чтоб он приготовился к отъезду. Видя же мое великое чистосердечное усердие и любовь к нему, и мое желание жить с ним или хоть близ него, старец потому охотнее склонился послушаться, что при нем и я буду навязать пустынному житию, и радовался такому моему к нему расположению. И сам после мне открыл, что он много просил Бога послать ему единокровного брата в содружество, ибо много скорбного и печального и разных искушений недоуменных терпел и многое такое нечаянно нападало на него одинокого, и что он на опыте познал, как нужен брат духовный

единодушный, с которым о всем таком случающемся мог бы советоваться и время несносной скуки разделять и сомнительные помыслы вместе обсуживать. Посему-то старец, видя меня так к нему привязавшегося, не хотел уже отказать мне, считая, что может быть, я Божиим промыслом к нему в содружество назначен.

Но как там, на месте жительства его, от расстающихся с ним было плачевное и скорбное провожание, так по приезде нашем к Отцу Адриану от всех братий, бывших с ним, встречены были с несказанною радостью. Но я более всех радовался тому, что получил такого богобоязненного отца, которого полюбила душа моя и от которого равная оказываема была любовь ко мне; ибо старец по истине открыл мне, что если б не для меня, то не покинул бы своего пустынного жилища и таких пустынножителей, которые столь много любили его и столь жалели о разлуке с ним. Ибо не виделось благосклонной вины оставить такую мирную, совершенно безмолвную жизнь, к чему только одна моя привязанность склонила его. С того времени, совершенно отвергну всякое сомнение, я положил в сердце моем до гроба неразлучно жить при нем и быть в его повиновении за то, что старец ко мне расположен и так жалел меня оставить по молодости моей, чтобы не совращен я был от некоего брата, не по Богу живущего; ибо, увещевая его, говорил ему отец Адриан, что он будет отвечать за мою душу, если не возьмет меня в свое попечение. С того времени я сделался его всегдашним и неразлучным спутником и учеником его стал именоваться, хотя он и не принимал меня в качестве ученика или сына духовного, ибо всегда говорил от великого своего смирения так: «Мне ли иных спасать и наставлять, такому невежде!» Но я сам видел, как все братия к нему любовью расположены, да и я всегда его почитал как от Бога данного мне отца и уважал как доброго наставника, любил же как друга духовного, благоговей к нему, как к истинному монаху, и всегда был послушлив к его советам и желаниям. Старец мой был так тих, обходителен и добронравен, что насильно и как бы невольно привлекал душу мою, так что я всегда жаждал его присутствия и никогда оным не мог столько насытиться, сколько мое сердце желало. Это желание было так неограниченно, что, казалось, хотя бы день и ночь я находился при нем, но и тогда едва ли удовлетворил бы ему!

Все слова и дела старца были для меня сладки и вожделенны. Никогда я не видел его во гневе, а если надобно было где негодование показать ему или гнев явить, то он показывал без внутреннего возмущения. Пищу вкушал он безстрастно, большею частью простую, суровую и черствую; чаще всего из былья и трав самородных и лесных пустынных плодов, какие попадутся. Когда же где случится предлагаемое сладкое брашно, то мало к нему прикасался, да и то по необходимости или по принуждению, то есть или в честь праздника, или на возражение среди вкушающих или в угождение хозяину. Одним словом, прилежал и горел духом только к скудному, недрагоценному и к удобьснискиваемому. Во все мое 30-летнее с ним пребывание Старец Василиск не пожелел иметь собственной ни одной денежки, ибо не склонен был стяжать деньги и в запасе хранить. Ничего имеющегося у него не щадил для просящих; ко всякому человеку, особливо правоверному, с истинною любовью прилежал, всякому старался услужить, а для пользы спасительной, ко благоугождению Божию, для

всякого готов был на все себя отдать; от всех несогласующихся иночеству удалялся и отвращался от не единомудрствующих со святою нашею Церковью. Всякую ночь, я видел, он вставал и тайно особь молился. Никогда не видел его праздно сидящего: но за рукоделием, или книгу читает, или духовными беседами занимается. Если случится когда-нибудь ему по неосторожности некоего брата до негодования довести, тогда старец все тщание прилагал примириться с братом, и всегда предварял прощением у него прощения. Был приветлив и благосклонен ко всякому до того, что иногда, сам уже в великом изнеможении находясь, так бывал расположен и соvestлив и почтителен ко всякому, что насильно себя показывал здоровым и обрадованным ему, и до тех пор с ним занимался, пока тот сам уйдет от него. Видя такие его дела и поступки, я радовался и счастливейшим себя признавал, что сподобился с ним ознакомиться.

10. КОНЕВЕЦ.

Когда мы прибыли в монастырь Коневец, то Отец Адриан отпустил нас, и мы десять лет в отшельничестве прожили в трех верстах от монастыря. В великие праздники мы приходили в монастырь к самому настоятелю и у него обедали, открывая все наши размышления и деяния и все с нами случившееся и так проводя время праздничное иногда с самим настоятелем, иногда с иными отцами в духовных беседах и чтении. И если что какому брату случилось читать неудобопонятное или представилось какое предприятие или что сомнительное, то все такое общим разсуждением разбирали. После же трапезы, прежде вечерняго времени, возвращались в свое уединенное жилище, будучи наделены тем, что нам требовалось. Живя же тамо, старец носил сокровенно жестокою власяницу по нагому телу, сотканную из волос гривы и хвоста. Или когда некоему брату случится в какое прегрешение впасть или уважительным недоумением одержаться, то прежде к нам приходили и открывали все тайны о себе чистосердечно.

Разсуждая некогда с отцами о действиях молитвы, один из них открыл Василиску о себе, что бывает в нем молитва тихая и мирная, без всяких помыслов и без различных действий, услаждающая токмо любовью Божией. Старец, слыша сие, прославил Бога, да сподобит и его дара сказанной молитвы. Наконец сел и начал внимать, приводя себя в тишину и к миру помыслов, чего при помощи Божией и достиг вскоре.

А как-то были мы вместе со старцем в Белобережской обители у благочестивого настоятеля оной Отца Василия, который, по любви своей с нами беседуя о многих душеспасительных истинах, между прочим сказал: «Я знаю одного человека (конечно, из смирения он это говорил как о другом, утаивая себя), у которого таковая бывает любовь к Богу или, лучше сказать, страдание Божественною Любовью, что он ощущает в оный час, как бы весь тает и как бы душа его отделяется от тела. Во время великого действия молитвы весь воскриляется к Богу и видит себя стоящим на воздухе как бы на аршин от земли». Сей боголюбивый отец, увидав, что старец мой производит молитву весьма тихо (медленно), начал любезно советовать, чтобы глаголы молитвенные тот совершал несколько поспешнее, уверяя, что чрез это удобнее отражаются суетные помыслы. При сем он, приложив руку свою к сердцу старцеву, наблюдал движение и

биение сердца при произношении, как он советовал, молитвенных слов, то есть «Господи Иисусе Христе, помилуй мя!» Но, ничего особенного не ощутив, велел старцу по своему навыку производить молитву. И вдруг воскипела благодатная сладость в старцевом сердце, которое встрепетало и начало биться во все стороны. Когда сие ощутил оный отец, прославил Бога и старцу моему сказал: «Блажен ты, отче! Твори и подвизайся, как наставил тебя Господь». А мне наедине заметил, что старец мой при помощи благодати Божией далеко преуспел в молитве и достиг внутреннего мира. И назвал меня счастливым, что я нахожусь при таком духовном и смиренномудром наставнике.

11. ИСКУШЕНИЕ.

Видя такое себе от братии, от мирян, посещающих монастырь, да и от высших отцов почитание, старец весьма скорбел о том, считая себя недостойным, и много раз он со мною вместе просился у настоятеля отпустить нас куда-нибудь, по желанию нашему, в отдаленную и незнакомую сторону. А более желательно нам было поселиться на святую Афонскую Гору, или в молдавские пустынные пределы, или на какой-нибудь морской остров незаселенный. Но устроитель был нам отец духовный и уже тогда от старости был слаб, любил нас премного, потому никак не преклонялся отпустить нас. Убедительные его прошения и наша взаимная к нему любовь удерживала нас жить еще при нем: мы боялись такого любящего отца преслушать, ведая заподлинно, что где любовь, там и Бог, и что послушание приятнее Богу паче поста и молитвы, по глаголу св. отцов. К тому же извещены были от отеческих писаний, как многие, не послушав своих отцов духовных, по Богу живущих, от бед и прелестей пострадали. Сего ради не смели мы насильно уйти и так ожидали благоволения и судеб Божиих, рассуждая: «Когда будет время Божия благоволения, тогда будет и невозбранение, но еще и вспоможение».

И так живя в своем отшельничестве, по силе нашей занимались рукоделиями, собирали разные ягоды и грибы и все то относили в монастырь, а для себя потребное брали из монастыря. Однажды я сказал старцу моему: «Зачем мы так много занимаемся рукоделием, особливо собиранием ягод? Ежели нам Бог дал жизнь отшельническую, то и должны более молитвой, чтением и богомыслием заниматься». Братия без нашего рукоделия и без наших промыслов довольны во всем и кроме нас довольно есть кому собирать и приносить на трапезу братиям грибы и ягоды». На это старец отвечал мне: «Весьма много и того для нас, что мы по любви братии к нам не в молве, а в тишине живем, и все нам готовое от монастыря подается; то и нам надо хотя и малостно послужить. К тому же мои молитвы не так Богу угодны, как братские: принесу нечто – и они на трапезе покушают моих трудов и помолятся за меня Богу. Верую, что ради их молитв Господь более меня помилует».

И старец всedневно ходил собирать ягоды и грибы и на воскресный день относил в монастырь, за что все братия много его благодарили. Я же мысленно его осуждал, зачем еще суетится, а не безмолвствует; и часто за это в лицо его укорял, он же опять отвечал мне: «Можно, с Божией помощью, и ягоды собирать, и память молитвенную к Богу и

богомыслие иметь, ибо тоже уединен, не с народом, но так же, как в келии, один остаюсь; и пособиров, для отдохновения можно сесть во внимании сердечной молитвы». И подобное сему многое мне советовал, да не высоко умствую о своих успехах и да не на себя надеюсь, но наипаче на братские молитвы, и прибавлял: «По месту должно вести житие свое, ибо здесь общее житие, обще и трудиться должны. Они монастырскими потребами нас снабжают, а мы должны пустынными требами им отплачивать; к тому же здесь близ нас множество ягод, если мы не будем брать, они так и останутся: братии далеко сюда ходить да и не досужно, ибо другими монастырскими делами заняты. От молвы нужно удаляться, а не уединенного послушания отменяться». Но я вопреки ему веровал более своему мнению, нежели старцеву рассуждению, и так оставил его одного ходить за ягодами, а сам, оставаясь в келие моей, вместо того начал более поститься и молиться продолжительнее. Что же за мое такое несогласие и сопротивление последовало в чувстве сердца моего? Последовало только совершенное ожесточение, досада, негодование, разстройство в мыслях, осуждение – как бы осуждение от старца, томление и тягота в совести, и напоследок, видя себя всем таким объятаго, начал я приходить в отчаяние. И ежели бы Божией милостию не познал мое заблуждение, в совершенную бы пришел прелесть. И так начал окаивать себя с признанием, сколь губельно, живя в повиновении у старца, не последовать по его рассуждению. И когда пришел старец ко мне, я упал к ногам его, прося прощения. Тогда Василиск радостно принял меня о Боге, и простил. Со словом прощения его все те сопротивные чувства, томившие меня, исчезли во мне, и тогда же я возчувствовал самого себя в прежнем обычном моем настроении, т.е. мирно, радостно, любовно и покорно учителю.

12. НА АФОН!

Когда мы прожили там десять лет близ монастыря в отшельничестве, в то время отказался от наставничества отец наш Адриан, пожелав в Москве в Симоновом монастыре принять великий образ схимы. Тогда, выезжая из монастыря, он дал нам благословение и советовал пойти в сибирские пределы, рассказав о тамошнем великом пустом пространстве ненаселенном. Но мы более желали поселиться на Афонской горе и три раза пускались в путь к ней, и от многих благотворителей, особливо от боголюбивого благотворителя Афанасия Ивановича Домова, были снабдеваемы на сию дорогу денежною суммою; но не допустил нас Господь тамо побывать, хотя и со многим усилием домогались. И так возвращаясь, возвращали и деньги, благотворителями данные, говоря, что деньги нам, возвратившимся обратно, уже не нужны, а вы можете другим отдать, кои нужду в них имеют. За это получите от Бога сугубое вознаграждение: вменится вам, как бы от нас не взяли, ибо по принуждению нашему от нас берете обратно и иным отдадите; то как за нас, так и за тех будет вам воздаяние. И за такой поступок моего старца от всех благотворителей он был любим и почитаем; они говорили ему в лицо: «Еще никто денег обратно нам не отдавал, только вы одни». Однако долго еще не угасало у нас мечтание об Афонской горе.

Когда же воцарился, светлая ему память, Император Павел Петрович, тогда последовало запрещение, чтобы без доклада Его Императорскому Величеству за границу никого не отпускать; тогда мы еще прошением просились, но высочайшим повелением было нам отказано. И так мы познали совершенно, что не благоволит нам Господь поселиться на св. Афонской горе, если столько раз были на границе и не дошли, а ныне Господь Бог самим Государем возвратил нас, то зачем еще хотеть упираться противу судеб Божиих?

С другой стороны, не видя никакого препятствия, но еще и всякое вспоможение и удобство удалиться в сибирские приделы, положились мы на Божию помощь и на святой Его промысл и пустились в путь к Сибири, будучи напутствованы благословением отца нашего духовного Адриана. Отпуская нас, он дал нам в напутствие любимый свой тропарь празднику Казанской Иконы Божией Матери «Заступница усердная», наказав нам читать его вседневно, почему будем благополучны в пути и везде. Но нам более желательно было где нибудь теплее, отраднее страну избрать, ибо слышались, что в Сибири холод величайший и народ дикий, и весьма опасно житие пустынное проводить, особливо чтоб ходящие за промыслом не убили. Поэтому мы не прямо в Сибирь устремились, но, обольщаясь надеждою сыскать место в теплейших странах, решились первее Малороссию осмотреть.

Достигли Киева и милостью митрополита два месяца были в Лавре успокоены; потом отправились в Крым и тамо горы и дебри обходили, но по совести себе не нашли приюта по причине многих иноземцев, там живших. Прибыли в Моздок, но и там ради опасности горских набегов не остались; тут нас за конвоем для безопасности из сожаления господин комендант велел проводить, и мы прибыли в Таганрог, но и там по желанию не обрели; приехали в Астрахань.

Тут мы решились с попутчиками и при обозах более не ехать, дабы больше спокойствия иметь. Купили лошадь (это было зимою) и так одни сами по себе поехали, признавши, что нигде, кроме Сибири, не благоволит Бог нам жить; и проехали весьма благополучно опасные места. Когда мы доехали до такого места, где нужно было свернуть с большой на проселочную дорогу, то многие нам не советовали ехать одним из-за опасности от нападения злых людей. Мы, было, несколько растерялись, но тогда сверх чаяния проезжающие с обозом хозяева сказали: «Неизвестно, где с большим барышом товар наш продадим, но поедем для сих странников на проселок и проводим их через опасное лесное место. Бог ради них и нам лучше поможет продать». И так, оставя свой предпринятый путь для нас, этим трактом они поехали и более двухсот верст нас проводили, охраняя и питая при этом. Когда же мы разстались с ними и одни уже поехали пространную степью, и ночь нас застигла, и пришлись две дороги, то мы не знали, которою дорогою ехать; леса же никакого не было и невозможно было развести огонь, тогда недоумевали мы, что делать; остановились и обзрели на все стороны – только и виделась пространная ровная степь. И так, бывши в недоумении, говорили: «Господи, не знаем, куда ехать, а ночь находит!» – и вдруг увидели к нам подъехавшего человека, который и сказал нам, какую дорогою ехать и куда. И едва успели мы сесть, оглянулись назад посмотреть, куда он поедет, – но не стало его, и более уже того человека не видели. Тут мы

удивились Божией милости над нами и приписали это Его промыслу, так нас изволившему помиловать! – и оттоле ехали благополучно до самого Тобольска.

Пресвященный Варлаам принял нас весьма благоприятно, дал нам помещение в Ивановском монастыре и довольное содержание. По наступлении весны и просухи преосвященный дал от духовной конторы вид своего к нам благоволения, жить нам в его епархии, где изберем себе по совести место. А господин губернатор дал от себя билет: по всей Тобольской епархии свободный нам иметь проезд и в желаемых для нас местах для обозрения давать проводников. С таким напутствием проезжали и проходили мы по разным пустынным местам. Были в округах Ишанской, Калиской, Томской, Енисейской, Красноярской и Кузнецкой, где и застигла нас зима; и мы, желая уединенно и безмолвно зиму прожить, удалились от деревни за 40 верст и в величайшем лесу сделали себе землянку, а один крестьянин обещал весною оттуда нас вывести.

13. НЕ СЕГО СВЕТА ЖИТЕЛИ.

Зимовавши так в одной келейке, правило отправляли вместе: я читал, а старец мой слушал. Однажды, проснувшись, ощутил он великое действие молитвы и пришел как бы вне себя с необыкновенным дыханием и трепетом во всем теле. Долго я ждал и наблюдал за сим необыкновенным трепетанием его тела и прерывающимся дыханием, подобно как в болезненном состоянии. Но, напротив, все сие происходило в старце от нестерпимой сладости и неизреченного утешения о Господе, бывших во всем его теле и во всей внутренности, как сам он после мне сказывал. Итак, чрез долгое время едва он мог сказать мне: «Отправляй правило ты один». В сие время уже светало. Это произошло в генваре месяце, как только мы прибыли в Сибирь. Долго продолжалось в нем сие действие, мало-помалу уменьшалось, а потому он едва встал со своего седалища. Я же заметил изменения в его лице как бы от изнеможения и небольшой румянец. В другой день старец был обуреваем страстными помыслами. Отразивши оные и утишивши чувственные движения, увидел, что время уже сотворить несколько поклонов, но изнеможение и слабость напали на него. Один помысл говорил ему, что по слабости и изнеможению он не в силах сделать поклоны, а другой, напротив, обличал, что по лености он не хочет поклоняться. Противоборствуя сим помыслам, старец вознамерился испытать себя и сделать хотя немного поклонов, почему после поясных начал класть и земные. И вдруг при первом поклоне почувствовал сладость в своем сердце, по втором – более, и так далее. И столь умножилась сладость и облегчила его, что забыл он и поклоны, и пропустил уставленные Богородичные молитвы. Он чувствовал себя как бы летающим, легким, радостным и услаждающимся в великом простертии к Богу. Удивляясь сему, он благодарил Бога ибо прежде никогда не чувствовал сердечного услаждения при поклонном правиле. Поутру, на другой день, старец также ощущал легкость и услаждение при поклонах. Удивлялся он, рассказывая, как скоро благодать Божия претворяет усталость в легкость, легкость в бодрость и немощь в крепость, а к тому же еще и с утешением о Господе и чрезмерною сладостию Его любви.

Некогда старец, беседуя со мною, между прочими душеполезными разговорами сказал мне следующее: «Теперь я разумею апостолово слово: «Никтоже может реши Господа Иисуса, токмо Духом Святым», (прим. I Кор. XII, 3.) ибо воспоминание имени Божия никогда уже не бывает во мне без усладительного последствия, а наипаче сие Иисусе. При сем воспоминании, хотя бы и простом и без приуготовления к молитве, сердце мое восторгается и услаждается...» От сих рассказов старцевых и своих наблюдений пользовался я немало, постигая чистоту усладительной молитвы, однако и житейские заботы нас не оставляли. Припасы-то оскудевали. Видя у себя мало на хлеб муки, стали примешивать вербного дерева кору и тем питались. Другого ничего промыслить нельзя было; рыбы ловилось мало зимой. Но вот уже и рыба перестала ловиться, и мука и харч почти весь вышел, снег же выпал глубокий, а потому помянутый крестьянин везенный им запас до хижины нашей довести не мог, остановился от нас в дальнем разстоянии и сказал, чтобы мы сами его следом пошли и принесли себе. Мы же, будучи тощие, едва могли дойти до показанного места и, увидевши запас, простите, весьма обрадовались, ибо голодные были. Не было с нами никакого сосуда, в чем бы замесить муку; тогда ухитрился мой старец: сняв с себя верхнюю одежду – балахон, насыпал муки и наклап снегу, и так перед огнем таял и мешал муку. И на жару напекли себе опресноков и, поевши, укрепились. Переноса весь харч, жили спокойно до весны, надеясь на обещание помянутого крестьянина прийти весною и вывести нас. Старец, по обычаю, большую часть времени проводил, углубляясь в сердечное внимательное моление.

Сколь живительно, когда по долгом времени употребления скуднаго брашна одновидного потом вкусишь иное! Это мы на опыте познали, когда от принесенного нам луку вкусили: он столь показался вкусным и сладким, что мы даже почувствовали великое в себе оживление и силу и удивлялись тому. Однако умолчать не должно, что бывает некое молитвенное изменение той же пищи особенным благоволением Божиим: ибо иногда столь усладительно показывает простое брашно, что кажется точно прелается оно в иное качество, не свойственное ему. Мы это ощущали не только тамо живя в скудости, но чрез все время жития нашего в пустынных пределах: никогда не ели, чтобы не чувствовать отличной, особенной некоей и многой приятности во всех наших брашнах, хотя иногда оно бывало самое суровое и скудное, о чем мы многократно с удивлением друг другу говорили: «И на пиршестве в богатых домах нет такой усладительной снеди!» И так рассуждая в беседе между собою, как бы начнем сомневаться о своем спасении и говорить: «... за что нам чаять от Бога по смерти воздаяния, ежели в сей жизни так облагодетельствованы по Его благодати: живем во всяком спокойствии и услаждении мирным духом, радуемся, от всего свободны и в таком находимся устроении, что не потребно нам и доброе одеяние и это рубище удовлетворяет нужду нашу. Не желаем усладительных брашен, ибо и простые самородные пустынные снеди как бы прелаются в лучшие и ощущаем в них вкус наиприятнейший. А чуднее всего – едва ли не все живущие на свете этом люди стараются, трудятся, напрягаются и всякие хитрости и средства изобретают, днем и ночью не дают себе покоя, стараясь добыть себе богатства и денег: нам, теперь в пустыне живущим,

вовсе они не надобны, а если бы и были, то более бы отягощали нас. И, кроме всего этого, знающие нас так почитают, что всякий христоролюбивый человек усердно готов нужды наши выполнять. Блаженнее же всего то, что мы между собою таким духовным дружелюбием, единомыслием и единомыслием связаны о Христе, что всякий совет у нас бывает не раздорен и послушание охотнейшее, с уважением между нами утвержденное выполняется. Ко всему этому, нет в пустынном пребывании нашем ничего такого, что бы возбраняло или отвлекало от богослужения, удерживало или мешало заниматься чтением Святаго Писания и питаться углублением в богомыслие, но еще и всякий случай и вещь понуждает здесь к Богу простираться: кругом дремучий лес, только к небу чистейший и незаграждаемый устремляется взор, привлекающий желание сподобиться переселения в тамошнее блаженство. Опять голос птиц поющих возбуждает вместе с ними и от нас славословие приносит Творцу Богу. Всякий случай, всякая вещь, одним словом, все зримое и слышимое склоняет к размышлению о всемогуществе, премудрости и благодати Божией: как Он всему созданному и всей твари даровал свойственное довольствие, успокоение и увеселение! Ибо если бы не было все сотворенное совершенно удовлетворено, то не было бы и успокоенно и никогда бы не веселилось. А вместо того видим: деревья и всякое произрастание от удовлетворения и успокоения растут, зеленеют, цветут и даже от избытка довольства и плоды произрастают. Так равно и звери, и скоты, и птицы, и всякое животное между свойственными себе любят, утешаются и распложаются; и от удовольствия много всякое оживотворенное, по естеству своему, благодарение голосом своим возносит к Богу, сотворившему их; а из всего этого ясно видится благосердный промысл Божий призирающий на всю тварь. Земля, Божиею мудростью и благоволением, таким свойством одарена, что всю тварь довольствует, сама родит деревья и травы, сама их влажностью и тучностью своею растит, украшает и цвести заставляет. Зверям и птицам, и всем живым и одушевленным тварям, и всему роду человеческому издает всем приличное на потребу, и жилища и пищу, даже и неведующим Бога заблуждающим во благочестии, даже самым развращенным и досаждающим Богу».

И от такого умозрительного разсуждения душа приводится к самому Богу Создателю, размышляя в себе: «... Если Господь Бог земле и прочим стихиям дал такое свойство, довлеющее всех удовлетворять, даже и с излишеством, то чего сам Господь Бог не дарует своим рабам, Ему Единому отдавшим себя и тщаясь об угождении Ему? Ежели сам Бог-Отец Своего Сына Единородного, Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа предал за нас, грешных, на такое лютое и горестное мучение и поносную смерть, то уже как сомневаться можно, чтобы не помиловать всех кающихся и к Нему простирающихся грешников и не даровал бы им небесного жития? Посему и нам грешным, зачем отчаиваться в Божием к нам милосердии: только потщимся просить Его: чтобы теперешнюю нашу свободу и беспрепятственность помог бы нам во всю нашу жизнь удержать и провождать в упражнении богоугодном. Ибо от таковых размышлений делается душа от всего созданного отрешенною, как не свойственного ей; ко всем вещам пристрастие увядает, всякие прихотные желания, словно мертвые, – не привлекательны и не действительны бывают; и все деннонощное время объемлется и проходит в саморождающихся

размышлениях, привлекающих к Богу. И чем более в таких размышлениях углубляемся, тем более умножаются и расцветают рассуждения которые более и более распалют и влекут в любовь и желание к Единому Богу, и заставляют опасно надзирать за собой и блюсти от всего развлекательного свою сердечную тишину. И даже восхитительным чувством объемлемы бывая и все такое познавая и разглагольствуя на поощрение самих себя, нужно и нам хранить себя, чтобы не отвлек нам ума своего суетною излишественностью от Бога, потщимся только самонужнейшее для тела нашего помышлять».

И такими ободрительными разговорами между собою вразумляя друг друга, познаем, сколько житие, от народа удаленное, уединенное и пустынное, вспомоествуем нестяжанию и безстрастию. А к тому же еще ясно видя, что бывающее на сем свете – все преходящее, тленное и неудержимое и что даже мы сами не сего света жители, невольно чувствуем в душе совершенное омерзение ко всему, что есть на сем свете; и только печалимся, что доселе не разумели, какое в Боге живущим в пустыне дается радостно-печальное житие и просвещение в мыслях. Ибо часто бывает двойное чувство в душе: то радуется она о том, что сподобилась спокойно и беспрепятственно одному Богу жить, то печалится от неизвестности о прощении своих грехов. После таких разговоров и рассуждений доходим и до угодников Божиих: не дивно, если они о всех миролюбцах рыдая плакали, видя их так безотчетно пристрастных к сему свету, с которым неминуемо надобно разстаться и все нажитое оставить.

Иногда с удивлением размышлял старец о непостижимом Божиим благоволением и любви к людям, как Бог из неизобразимой славы своей и величия соделался для нас человеком и столь жестокие страдания нас ради терпел. И еще более удивлялся, когда представлял, что Всеблагий Создатель наш столь величайшую явил к нам любовь, что и Божественное свое Тело дал нам в пищу и пречистую Кровь в питье и как закланного за весь мир Агнца предложил себя в снедь верным, да мы паче возлюбим Его, и Он соединенно и неразлучно пребудет в нас вечно.

После таких разговоров, друг друга подкрепляя, охраняли себя Божией помощью от всего излишнего, дабы занятием суетным, по подобию мирян, не подавить стремления своего к Богу. И когда сойдемся вместе, тогда от всего сердца друг о друге радуемся и ликуем. Такую любовь великую между нами можно и праведно приписать силе и действию пустынному; ибо двое мы только жили и естественно стремились быть взаимно откровенными, друг друга возбуждая к богоугождению, укрепляя в бывающих искушениях и охраняя друг друга, как свою жизнь. Во всех разговорах старца всегда я слышал от него: «Надобно потрудится, чтобы хотя мало сподобиться, по подобию Святых отцов пустынножителей, Богу послужить». И поистине видел я в старце моем исполнение Антифона: «... пустынным непрестанное Божественное желание бывает, мира сущим суетного кроме!»

Но как можно в точности описать все те внутренние духовные чувствования, которые до такой степени усладительны, что никакое благополучнейшее царствование не порадует так и не успокоит, как пустынное житие? Ибо когда не видишь, не слышишь, не говоришь и не водворишься с миром заблудшим, то и спокойствие находишь и в ум естественно устремляется к Единому Богу, потому-то, говорит св. Иоанн:

«Святые наши отцы от благодати умудрившиеся, облекошася в нестяжание и идоша в пустыню, и удалением от селений мирских и лишением вещей, движущих страсти, удобно побеждают свои страсти; понеже идущие и помогающиеся духовной чистоты вящего безмолвия требуют, так что отнюдь не желали бы каких-либо посетителей, особливо таких, которые суетные светские неполезные разговоры приносят». Потому-то старец мой во всю свою жизнь пустынного жития жаждал, ибо только там можно укрепиться в сердечной молитве.

14. О МОЛИТВЕ ИИСУСОВОЙ.

По человеколюбию Господа, я, грешный, сподобился слышать из уст моего наставника то, что он по любви своей ко мне истинно мне открывал о действиях в нем внутренней молитвы сердца, в которой он при помощи благодати преуспел. Лет сорока примерно был отец Василиск, когда узнал о сердечной молитве, ибо прежде не имел о ней сведений. Тогда он весьма обрадовался, нашедши ее средством к удержанию ума в присутствии Божиим и к пребыванию в богомыслии. А потому и начал в ней упражняться до того, что многократно приходил в сильное изнеможение от долгого пребывания в молитве и ощущал столь сильную боль в сердце, что уже не мог далее ни молиться, ни ходить, ни сидеть. Пролежав довольно время, едва освобождался от сей боли – и, собрав силы, опять упражнялся в сердечной молитве с ревностным терпением. Наконец, видя при сем внутреннем упражнении упущения правила и чтения псалмов, он пришел в недоумение: угодна ли Богу его молитва, совершаемая сидя? Долго старец о сем смущался, ибо никого при нем не было, кому бы о сем можно открыть и получить решение, кроме меня, грешного. А потому он принял строгое воздержание в пище и сне, и, об извещении помолившись, продолжал внутреннее внимание сердцу, и вдруг неожиданно излилась в сердце его неописанно сладостная любовь к Единому Богу, причем он забыл весь мир и все. Старец мой весьма удивлялся такому внезапному утешению, как и сам говорил мне, недостойному, что столь сим был услажден, что не думал найти высшей сладости и в Царствии Небесном. С тех пор старец мой начал ощущать разные действия чистой молитвы. Иногда, бывая в чистой молитве ощущал как бы вкушение весьма вкусной и приятной пищи. Иногда как бы что-то сладкое изливалось из сердца. Иногда сердце его кипело от безмерной сладости. Иногда чувствовал себя столь легким, как бы составленным из воздуха и утешительно летающим. Иногда, размышляя о сладостном утешении, которое случалось с ним, и думая, что сею сладостию он только себя утешает, а не молится Богу, ибо ум его во время сладости внимает только сердцу, а не находится в присутствии Божиим – намеревался старец вознести ум свой к Богу и тут же усматривал его в подобии облака, летящим на небо к Господу. Вместе с сим молитва в сердце прекращалась, а одна только утешительная сладость чувствовалась в сердце до тех пор, пока ум опять обращался к сердцу. Порой от таковой чрезмерной и неизреченной сладости, радости и пламенной любви к Богу не токмо одно сердце старцево находилось в трепете, но и все тело трепетало и колебалось, подобно как в лихорадочном состоянии. Иногда так сильно, что он едва мог сидеть.

Когда же я спрашивал старца, как он упражняется в молитве, тот мне отвечал: «Ныне и не знаю уже, когда бы молитва в сердце моем не творилась...».

15. СИБИРЬ ЗИМОЙ.

Проживши зиму, мы ожидали того крестьянина, который обещал к нам прийти весною и вывести нас прежде разлития вод в свое селение. Но он по занятиям крестьянским был не свободен прийти к нам. Мы же, видя, что реки уже начали разливаться, отчаялись о его приходе и по недостатку пищи остаться до лета усомнились. К тому же помышляли, что летом непременно надлежит нам приискывать такое место, где могли бы на вседневное житие вселиться. Поэтому решились сами собой идти, надеясь сорокаверстное разстояние в два или в три дня пройти и достигнуть какого-нибудь селения. И так, все нужное на путь исправивши, мы уложили все бывшие с нами вещи и весь съестной запас, расположась на утро выступить. В ту ночь видел я сон: карманы мои были наполнены деньгами серебряными и частью золотыми. Слышал я от многих отцов, что серебряные деньги знаменуют слезы, а золотые радость, но мы, презрев сон, не хотели ему верить и, отправив все должное моление, зажгли свою землянку опасаясь, чтоб не поселился в ней какой-нибудь беглый и чтобы это не подало повода к законному разследованию о том, кто строил келию, а мы, как странники, боялись такого случая. И так, не смотря на пламенеющую свою хижину, уже принуждены были оставить ее и пойти; опасались только, чтобы на другую Сторону хребта гор не зайти, ибо в ту сторону более двухсот верст нет селений; и от такого сомнения, как после узнали от знакомых, мы шли вдоль гор, находящихся около реки Томи.

Когда же прошли три дня и увидели все непроходимые леса и высочайшие горы, тогда усомнились и начали употреблять пищи менее из опасения, что, может быть, долго будем блуждать и тогда совершенно нечего будет есть. И так целые дни проводили без пищи и, достигши уже вечера, с изнеможением нарубали и натаскивали дров, и тогда уже, огонь разведши, варили съестное. Прошли седмицу дней: видим, что мы совершенно заблудились и в которую сторону идти, не знаем: облаками покрылось небо, ветер воет, солнце совсем не является. Тогда мы, на деревья смотря, шествие свое продолжали: ибо на осиновых деревьях кора с северной стороны имеет вид почерневший, а с южной – светлый и чистый. Таким образом несколько времени путешествуя, стали есть еще менее. Немного муки или сухарей положи в воду и разваря их, бывало, поедим-поедим да с тем и ляжем уснуть; уже ничего более съестного не имелось, только мало муки и сухарей, а потому старец начал воздержнее ради меня есть. Я же, идучи, где случится увидеть на деревьях изсохшую или согнившую рябину, собирал ее и с великим аппетитом ел. Но и та весьма мало и редко попадалась, ибо была уже весна.

У старца моего лыжи были без носовых подволоков, и весьма трудно было ему на горы всходить; он часто поскользывался вниз. Я же запас и прочие вещи на санках тащил, а потому лыжи с подволоками были у меня. Видя же старца изнемогающего и жалея его, я плакал, идя во след его. Но он, обращаясь ко мне, успокаивал меня, говоря: «не может быть, чтобы Господь Бог нас здесь голодом уморил; разве чем другим накажет

за наши грехи, а голодом не уморит. Ибо если неблагодарный народ израильский в пустыне прокормил, то нас ли теперь двоих не пропитает? Он может и малым сим запасом поддержать нас и подать нам силу на путешествие». Я же отчаивался в живых остаться; да и до сих пор недоумеваю, отчего такое чувство отчаяния на меня тогда напало: что если не выйдем и, заблудившись, я умру, то осужден буду от Бога за то, что своим дарованием другим не послужил во спасение! И так невольно я стремился к Богу в душе моей: «Если выйдем, и я останусь в живых, то кого наставишь ко мне, Господи, в сожитие, попекусь от всей души о его спасении, подражая жизни и разсуждению старца моего». В таких чувствах несколько дней шедши, я плакал много и сетовал то о старце, жалея его изнемогающего, то о бесполезности прошедшего моего жития, что, не послуживши иным ко спасению, так умираю.

В один день был сильный ветер с большим снегом и морозом до того, что мы едва могли идти от великой вьюги и метели, путь же наш был по горам и долинам, где на было леса большого, ниже дров довольно, а уже наступал вечер. Мы же, на горе стоя, разсматривали, где бы лучше от ветра отишие иметь и переночевать. Вдруг у старца на лыжах порвались путцы, идти более невозможно было; исправить их на таком морозном вихре не было способа; к тому же сделалось темно и, подошедши к малым кустам ельника, мы были принуждены были при нем остановиться и заночевать. И едва могли мы немного тонких дровец насобирать, чтобы хотя мало обогреться, потому что платье на нас иное ободралось, иное обгорело, и от снежной бури обмокло и обмерзло, также и обувь на ногах была мокра и ветха. Развели малый огонь и не евши легли близ самого огня хоть бы малость уснуть, но не было возможности: ветер сильный со снегом тушил огонь, так что нас, лежащих, скоро снегом засыпало. И так в великом беспокойстве проведя ту ночь, мы пошли без лыж поверх снега, ибо великий мороз был, так что и разлившиеся речки позамерзли крепко. Пришедши к одной речке, которая уже была в полных берегах воды и в ту ночь замерзла, мы непременно должны были идти через нее. Старец, вступя на лыжи и будучи легче меня, пошел вперед и перешел благополучно; потом и я также на лыжах вслед его пошел и едва смог середину перейти, а совсем близко от берега вдруг погрузился в реку по самую грудь. Тогда уже вконец я отчаялся быть в живых, ибо в лыжах ноги мои от путцов держались и сами лыжи в реке во льду и в снеге увязли, и никак невозможно было мне подняться и вылезти на берег, нагнуться же и рукою достать лыжи – вода и лед не пускали. Старец мой, видя, что я по грудь увяз, недоумевал, как помочь. Тогда мы к Богу и Божией Матери так воззвали: «Теперь Тебе, Владычице Пресвятая Богородице, помогать!» Я просил старца подать мне свою руку, говоря ему: «Авось как-нибудь, придерживаясь за тебя, не выйду ли; если же не выйду, то один умру, а тебя к себе не потащу, отпущу твою руку». О, чудо Божией Матери! – я так легко и скоро вышел к нему на берег, что, мне кажется, легче нежели бы я был прост и не погрязши! И как мои ноги вышли из лыж, привязанных ременными опутинами, – весьма удивительно и невероятно! Только Господь Бог, ради Владычицы нашей Пресвятой Богородицы, восхотел даровать мне еще жизнь и явить, сколь благодетельствован мой старец. Ибо какую бы он мог подать помощь своею рукою увязшему по грудь во льду и снегу, и еще в путцах

удерживаемому ногами так, что невозможно было вынуть ногу из лыжи, если прежде назад ногу не оборотишь. Следовательно, ради старцева сожаления так чудно Господь дал мне выйти, ибо так я крепко было засел, что после едва крюком могли лыжи изо льда вытащить; одну даже пополам переломили. Тут более мы уже не могли идти. К счастью нашему, стояли там сухие деревья и, нарубя их, развели мы большой огонь. Да еще благодарение Богу, что трут и огниво были у старца, а не на моем возу. Но как вся одежда на мне была смочена, то и дрова мне рубить было неспособно. Я принужден был снять с себя одежду и, в одной свитке бегая и погреваясь, рубил дрова; и так провели день, обсушиваясь, делая и исправляя лыжи, и переночевали. Старец день ото дня более и более изнемогал идти, и пища тоже вся уже исходила, да и я в бессилие приходил. Поэтому все наши вещи, святые иконы, книги и лишнюю одежду, все, что везли на саночках, оставили под заметным деревом, надеясь, что, когда выйдем, Бог даст, в деревню, то по нашим следам найти будет можно. Взяли же с собою печатное в малом виде: святое Евангелие да книгу св. Исаака Сирина, как нужнейшую для безмолвствующих, да сухари, и все это я понес на себе.

Обнадежась выйти и отчаясь в жизни своей, мы умыслили сотворить пред Богом обещание не есть молочного во всю нашу жизнь, кроме Светлой Седмицы. Да опять разсудили, что уже нам, согласно совести нашей никогда не жить в монастырях; хотя и выйдем в селение, но не останемся нигде, кроме пространства пустынного, а в пустынном обитании молочных снедей нет; посему хотя и неуважительно было то наше обещание, но Господь Бог по благодати своей, может быть, и ради такого незначущего нашего обета изведет нас из сего заблуждения. И, еще посоветовавшись, помолились Богу и завещали самим себе, как бы пред лицом Божиим, не есть молочного, кроме известных седмиц, дабы не различествовать со св. отцами, которые предали в те седмицы на все разрешать: то в честь и славу великознаменитых праздников, то на возражение еретическующим.

В тот же день, когда сотворили обещание, пройдя немного, вышли на лесную дорогу. Как мы обрадовались! Но не знали, в которую сторону пойти. Старец же мой вконец ослабел и не мог далее идти; почему советовал мне, оставя его, идти одному: «Этою дорогою дойдешь, а оттуда за мною пошлешь. Сего небольшого количества сухарей одному тебе дня на два довольно будет, а вместе со мною, изможденным и ослабевшим, гораздо дольше пройдем и обоим есть нечего будет. А я, оставшись на месте сем, не трудясь, имея дров довольно, могу, Божиею помощью, и не евши еще два дня или три в живых быть». Но я, слыша такие его умиленные слова, никак не мог решиться его одного без пищи оставить. Он говорил: «Хоть ты один жив выйдешь». – И я ему отвечал: «Лучше вместе с тобою умру, а тебя одного не оставлю: что мне в моей жизни без тебя!» И так отдохнувши мало, пошли вместе и вскоре увидели след собаки. Тут еще больше обрадовались, надеясь кого-нибудь увидеть; и, шедши далее, вышли на реку Томь и там нашли следы человеческие, но не могли разпознать, в которую сторону пойти. Однако, прилежно всматриваясь, кое-как вышли на дорогу летнюю, проторенную. Тут мы так обрадовались, как бы из мертвых ожили и, благодаря Бога, подкрепились немного пищею, надеясь на какое-нибудь селение той

дорогою выйти. Но как дорога та была летняя, зимою не ежженная, то где не протаяло до земли, там и дороги не видно было; отчего много раз, теряя оную, сбивались в стороны. И так с великим затруднением прошедши несколько верст, увидели в отдалении деревню. О, как много мы тогда обрадовались и сказать невозможно! Вдруг сами слезы неудержимо, как источники самотекущие, полились и к Богу умильные от души благодарения сами собой слагались, и на том месте сидели долго, отдыхая, и друг к другу чувствительные беседы простирали, говоря: «Как Господь Бог отечески наказал, но смерти не предал нас, и таинственно в сердце известовал в милостивом своем благоволении к нам: что это по Его усмотрению было на нас поущение в урок и в познание самих себя». И более всего благодарили Бога с внутренним радованием совести, что во всех бывших нам прискорбиях не попустил нам Господь крепко печалиться и удержал от ропота, ниже оставил когда отчаяться в Его помиловании, хотя бы блуждая и умерли; потому что если бы один день еще нам сюда не выйти, то бы в живых невозможно было остаться, ибо старец вконец изнемог и пищи не было, так что и в виду уже имея деревню и подкрепившись последками пищи, едва-едва с насилием могли дойти до нее.

16. ОЗЕРА ДА ЛЕС.

И так Божиею Помощью пришли в деревню. Жители оной уже слышали о нас. Видя же нас до крайности изнемогших, худых и тощих, обгорелых и обкоптелых, и видя наши оборванные развалившиеся одежды, – два дня нас успокаивали, подавали нам из любви и жалости добрую снедь и питье и отправили на подводе в волостное правление, давши теплую одежду для проезда. В той же волости знакомы были мы письмоводителю; он, увидя нас такими изнуренными, тоже всячески нас угостил и отпустил на подводе до города Кузнецка. Всякий человек, смотря на нас, сожалел, видя нас вконец изнемогших до того, что старец более двух месяцев был как разслабленный, не мог даже обычно ни есть, ни пить, ни ходить и вовсе ничего не мог делать. Да и я более месяца в таком же изнеможении был. Проживши несколько времени в городе Кузнецке, решились в тамошней Кузнецкой округе остаться и поселились близ реки быстрой, именуемой Средняя Теряя. Но многие неудобства заставили нас переселиться на иное место, отстоящее от города Кузнецка пятьдесят верст от деревни – тридцать верст, за проливы, именуемые Трикурые. Тамо, пособием благотворителей, устроили себе келии над озерами вблизи друг от друга, не для отдаления или какого несогласия, но чтобы один другому не препятствовал в безмолвном упражнении. Место, где мы жилище себе устроили, было окружено лесом, длинными озерами, при коих келии наши находились; озера изобиловали рыбой, земля для огородных сеяний плодородная; ягод, смородины, черемухи и калины несметное множество да и кедровые орехи не в дальнем разстоянии, также и хмелю самородного во множестве родится. Нам не было нужды в деньгах, потому и небрегли о них, а для провождения времени старец мой делал глиняную посуду, и за нее всякие потребности нам подавали. К тому же и благотворители не оставляли в нужном для нас, потому денег ни от

кого не брали. Одним словом, место было совершенно по совести и по желанию нашему.

Для избавления себя от тяжелой переноски от пролива до келии – а было расстояние более версты – прокопали канаву от пролива до озера нашего в одно лето; и когда нам потребно было ехать за какими нуждами, тогда, пустя запертую воду из озер наших, выплывали той нашею канавою в пролив, соединенный с рекою Томью. Исправивши потребу, обратно тою же канавою приводили нагруженную лодку к себе в озеро к самой келии. На этом месте мы прожили двадцать четыре года.

Было между нами условлено – ночью друг друга будить, чтобы хотя и не вместе телом, но обще молитву творить. Для этого от его келии до моей протянули веревку и ею ударяли в стену привязанною чуркою. Таким стуком ночью друг друга будили и узнавали о здоровье один другого, ибо возбужденный так же стуком в стену келии своей дает знать, что пробудился и здоров. Удерживались до субботы не ходить друг к другу (особливо в среду и пяток уединенно в безмолвии были), а на воскресенье и на всенощные празднества вместе сходились и этот день проводили в чтении св. книг, и духовными дружескими беседами занимались, прохаживались по пустынным окрестным местам, – особливо весною, когда еще травы не велики, недели по две не возвращаясь, ходили по разным пустынным лесным местам, по горам и по долинам, взявши с собою огниво, котелок и сухарей хлебных. Когда же придет время обедать, тогда наберем самородной травы, двояко называемой: «колбою» и «черемшою», а вкусом подобной смешеню луку с чесноком; вареная же похожа на лук, и тамошние жители всю весну ее вседневно едят и на зиму подобно капусте запасают. Эту траву, сырую и вареную, мы готовили себе на обед. В прогулках наших случалось нам встречаться с сохатыми (оленьями), козами, иногда и с медведями, ибо в той стране довольно их имеется; даже и на огороженное наше селение приходили и, катаясь по грядам, и их сеяние повреждали. Когда же случится увидеть зверя, идущего на гряды, тогда старец берет доску и, стуча в нее, смело к нему идет и так его прогоняет. Однажды ходили мы за орехами кедровыми и нашли там величайшего медведя. Он, увидя нас, поднялся на задние лапы и облегся на пень; мы же, усмотрев его и будучи наслышаны от знакомых татар, что надо отнюдь не робеть, смело и прямо на зверя сего идти, а если от него удаляться, то он, как на испугавшихся его, сам необязненно нападает, – начали в деревья стучать и к нему приближаться. Медведь бросился со пня и скорым бегом ушел от нас.

17. ПУСТЫННАЯ ПАСХА.

Много раз в беседах говорили мы, что мало тогда нас, заблудившихся в горах, наказал Господь в сравнении с теперешним нашим на сем месте добрым успокоением, которое даровал нам Господь на многие лета, так что вовсе нет причины на иное место переселяться.

Для исповеди и причастия Святых Тайн ежегодно приходил к нам священник со Святыми Дарами, потому что старец изнемогал и по слабости своей не в силах был столь дальнее расстояние ходить во время своего говения.

Не имели мы в запасе никаких утешительных снедей, приличествующих для всех разрешенных седмиц. При наступлении величайшего праздника Светлого Христова Воскресения мы не надеялись, чтобы на самый праздник могли хотя разговеться молочным по причине сорока верст отдаленности нашей от селения мирскаго. К тому же еще и не имели никого из жителей, явно содружественного к нам. Но один боголюбивый крестьянин, имя его Тимофей, сокровенною сердечною любовью был к нам расположен до того, что противу нас оговаривавших сопротивлялся, возражал на их противу нас хулы, ибо некоторые недоброжелательствующие нам называли нас предтечами антихристовыми, другие иначе злословили. Но он, Тимофей, вопреки им говорил, что прежде придут св. Пророки Илия и Енох, станут утверждать православных христиан и весь народ, да будут тверды и непоколебимы в вере к Христу Господу Богу, а поелику Илия и Енох еще не явлены, то антихрист не может явиться и старцы, мол, оные – не антихристы, а человеки Божии; ибо не от Христа они нас отвращают, но паче ко Христу убеждают своими увещаниями и добрым житием. Посему нельзя признавать их за незаконных низких развратников или предтеч антихристовых. Сей самый добродетельный боголюбивый крестьянин не утерпел на такой великий праздник нас не посетить и пришел к нам к самому празднику, к началу светлого служения, и принес на плечах своих масла коровьего, яиц, несколько молочного и сдобного печенья – так он благоговел к нам и уважал нас; и, чтобы не отяготить нас своим присутствием, тотчас по окончании утреннего моления, оставя нам все перечисленное, сам не евши, пошел обратно. По уходу его много мы на самих себя скорбели: зачем не удержали его с нами праздновать? и из такого его поступка познали, что он истинный служитель Божий. С тех пор был Тимофей до скончания своего вернейший в Боге нам друг духовный. По его уходе, вкушая принесенное им брашно, мы ощущали несказанную душевную радость, беседуя о благодати Божией: что Господь Бог, как Отец сердобольный и чадолубивый, промышлясь о своем создании; не презрел и нас, грешных, и не потерпел оставить нас в сетовании в Светлое Его Воскресение, день всеобщей радости ангелов и человеков. И поистине великую радость и утешение возчувствовали сердца наши, видя и к нам столь многий Божий промысл.

Спустя несколько лет мы приняли к себе жить в соседстве, по его убедительной просьбе, мещанина, старика такого, что вседневно до безчувствия пьянствовал, но пообещал, живя при нас, ниже когда прикоснуться к вину. Мы, слыша такое его обещание, помыслили: ежели его не принять и он от пьянства умрет, то на нас душа его взыщется. Чтоб не препятствовать нам, мещанин этот особо себе келию построил. Господь Бог так укрепил старика во все время жития его с нами и даже до кончины его, что он нисколько не пил вина. Потом вскоре и другого приняли старика купца, который и в доме своем жил богоугодно, при нас же еще воздержнее свое житие проводил. Много раз, говея, по пяти дней не ел; был смирен, послушлив и благонравен, и мы радовались такому соседству. Видя, что уже несколько гласнее житие наше сделалось, мы, по согласию старца моего, решили, чтоб я отошел от них и построил келию за пять верст далее, в таком месте, которое со всех сторон было неудободоступное. Старец же мой Василиск остался при них жить, чтобы

направлять стариков по иноческим правилам. К тому же от старости он был слаб и немощен. Из моего удаленного места я приходил к ним на праздники, но и старец иногда приходил ко мне.

Сколь желательно и любезно для меня было его посещение, в точности описать не могу. Ибо назначенного им дня ожидаю словно какого торжественного дня, встречаю с радостными слезами: обнимемся, после благодарения Богу, преискренно дружественным образом; слова его сладят сердце мое, все его советы непреложными почитаю; все мои предприятия и всякие мнения предаю на его разсуждение. И что в прошедшие дни происходило с ним – так же и старец мой мне в тонкости объясняет.

Некогда с ним случилось, говорил он мне, что как бы свет возсиял над главою его и, постепенно распространяясь, восходил к небесам. В оном свете явились как бы цветы подобно махровым розам или маковым (ибо он не мог чему-нибудь ближе все это употребить). И так от чрезмерно высокой сладости, сильно волновавшейся и кипевшей во всем его теле и сердце, которое не стерпывая оной сладости, сильно сжималось, старец мой пришел как бы в изступление и ожидал, что еще после этого будет. Видение света начало постепенно умаляться и когда окончилось, впала в сердце его и все тело иная сладость, как бы орошавшая и сильно охлаждавшая, подобно морозу, отчего также происходили в сердце крепкие сжатия. Наконец, более и более начала возрастать сладость и вдруг сердце распространилось, подобно великому горну, и наполнилось как бы пламенем и жаром. Удивляясь сему, старец не знал, что делать, приложил руку к сердцу и почувствовал боль в пальце какая бывает от обожжения. Как только он начал наблюдать, что последует далее, то вдруг мрачное облако начало находить на пламень сердечный. Старец мой, сие ощутив, помышлял сам в себе: «Видно, уже я не удостоюсь более милости Божией получать утешения и, видно, все уже отнимается за мое недостойнство...» При сей мысли темнота облака стала более и более умножаться и потом все прекратилось (как бы завесою покрыло все явления). Молитва и сладость утихли, и он долго сидел не произнося моления, как опять сама уже молитва воздействовала по обыкновению в спокойствии. После сего несколько времени старец мой чувствовал существенную боль в пальце, подобную той, каковая бывает от прикосновения к чему-нибудь разожженному. Сильной и высшей сладости, ощущавшейся во время сказанных явлений, не только нельзя ничему уподобить, но даже и выразить языком. Поэтому как о сем, так и о прочих молитвенных действиях и ощущениях не мог иначе выразиться старец, как-то словом «сладость»... Иногда же рассказывает мне наставник, как, не будучи одаренным совершенным обонянием, при молитве обонял нынче весьма остро как бы благовоние, аромат, приятнейший запах цветов или меда; или еще чем чудесным и удивительным порадует меня. Потом посоветуемся мы со старцем на предбудущие дни, как и в чем соблюдать себя и каким рукоделием заниматься, и какое учреждение в трапезе наблюдать; и когда он утвердил меня, провождаем время в каком-либо занятии, и по отправлении обычного богомоления по приличию дня вместе обедаем.

Когда же придет час уходить ему от меня, тогда невольно со слезами провожаю его с истинною сердечною печалью на дальнейшее разстояние. Разлучившись же с ним и обратно идучи, не могу просто идти, но всегда,

от любви и веры моей к нему, стараюсь моими недостойными ногами ступать на его следы, веруя, что и это будет мне на вспоможение. Возвратившись же и вшедши в келию мою, вещи, которые держал старец руками, целую, возводя мысленно к нему мою горящую о Боге любовь.

Много раз ночью словно сам он будил меня, особливо в те часы, когда должно на молитву вставать, и так явственно как бы слышу и походку его. Голос же точно его чистый вне келии явственно молитву творить, «Господи Иисусе Христе Сыне Божий, помилуй нас». Услышав его голос, вдруг пробуждаюсь и чувствую себя бодрым, словно в то время я и не спал; и часто отвечал «Аминь!», думая по истине, что старец мой пришел и стоит вне келии, и много раз бросался дверь отворять ему; но, вслушавшись, вижу, что нет никого. И почти всегда после излишнего моего сна, когда в должное время сам не пробуждаюсь, молитвенный голос будил меня. И настолько я уже привык к такому подобию его голоса, что когда разбужусь, то сам себе и говорю: «То не старец мой пришел, то ангел его возбуждает меня». В таком дружелюбии я мое житие с ним провождал более тридцати лет.

Два раза, однако, было такое на обоих нас искушение, что чуть один от другого не разлучились навсегда. Вначале сами недоумевали, отчего стали друг с другом не согласны, и оба не находили праведной и уважительной причины, по которой следовало бы нам разлучиться друг от друга, и оба познавали, что это наваждение от неприязненного духа происходит. Сие уразумевши, Божию помощью старались другого себе предпочитать, говоря друг другу: «Ты оставайся на сем месте, а я в иную страну переселюсь, чтобы ты чрез то примирился и был спокоен». И за такое с обеих сторон одного к другому уважение наше и смирение вскоре возвратилось прежнее истинное усердие и любовь к друг другу. Когда же я от них переселился на расстояние в пять верст, тогда старец мой решился в сердце своем не есть молочного, ни рыбы никогда. И до того со мною за это не согласовался, что даже пришел в великое негодование и навсегда хотел меня оставить и удалиться в иную страну за то, что я не благоволил к такому его предприятию, рассматривая, что чрез его отказ от сей пищи может происходить между нами всегдашний спор и несогласие. Посему от Святого Писания и св. отцов заимствуя, предлагал старцу увещание, стараясь удержать его от такого намерения. И Божию помощью на все его слова и мнения более трех ответов для памяти написал доказательных о бесполезном его предприятии и ему на рассмотрение предлагал много раз, говоря, что за малое скушение молочного и рыбного не будет осуждения и управление собою неразнственно с умствованием и преданием св. отцов угоднее будет Господу Богу, нежели тогда, когда станем не согласоваться между собой и разнствовать от устава церковного, коим предано есть молочное в честь и славу великого праздника или на возражение и в сопротивление еретическим. И так Божию помощью склонил его, с совершенным умирением совести, не разнствовать со мною. Такое смущение и прение продолжалось между нами более полугода, и после сего помог нам Господь Бог во всю жизнь нашу до кончины старца пребывать друг с другом в неразнственном единомысленном чистосердечном дружелюбии.

18. ЖЕНСКАЯ ОБИТЕЛЬ.

Однажды был я в городе Кузнецке. Вдова, мещанка Анисья Котохова, с великим усердием прибегла ко мне, прося, чтобы я потщился о ее спасении, говоря, что в здешней стране монастырей нет, а в Россию ей ехать далеко, обещая не препятствовать моему житию пустынному, но только чтоб я дал ей правило и, по временам посещая ее, вразумлял об иноческом пребывании. Услышав такое предложение, я говорил ей о неудобности посещать ее в городе и обещал ей со старцем моим посоветоваться. Он же, любовен будучи и желая всем спастись, сказал мне: «Слава Богу, что нашлась такая, помогающая о спасении своем! Может быть, и другие присоединятся к ней в богоугодном ее намерении, особливо потому, что в сей стране нет таких, которые бы безмолвно в Боге иночески жили». И велел мне сказать ей, чтобы переселилась в ближнюю деревню, стоящую при реке Томи, тогда будет удобно не пешком, а в лодке их посещать. Услышавши это, она охотно согласилась. Потом же вскоре, по предречению старцеву, узнавши это, и другие девицы к ней присоединились. Захотелось мне выстроить для жительства их дом; я повестил окрестным жителям – и пришло более сорока человек, и в тот же самый один день построили и покрыли без всякого платежа.

Когда сестры поселились в устроенном доме, старец мой, входя в их положение, за нужное признал чаще их посещать: то для устройства порядка, то для наставления, как жить им по правилам иноческим, посему посылал старец Василиск и меня к ним по временам, напутствуя меня наставлением и назначая время, сколько пробыть у них, иногда на два или на три дня.

Заметив же многие неудобства для их жительства в том месте, сестры за нужное почли куда-нибудь в упраздненный монастырь переселиться. Они дали мне прошение от них написанное, по приличию, к преосвященному; и с этим прошением явился я к тобольскому архиепископу. Он же благосклонно выслушал от меня объяснение и согласился дать в своей епархии в городе Туринске заштанный опустелый монастырь.

Указом из святейшего Синода он обращен был в женский монастырь и отдан в мое попечение и надзор. Такое безпримерное мне вручение и уважение к старцу моему сделано потому, что добродетельное в Боге подвижническое житие Старца Василиска известно было. Чем более он таился и укрывался в лесах и пустынях, тем более был почтен от всех и имя его было славно и похвалялось в людях.

19. БЛАЖЕННАЯ КОНЧИНА СТАРЦА.

Когда же настало время переселиться мне с сестрами в данный им монастырь и для устройства монастырского при них и жить, то хотя старцу моему и весьма было прискорбно разстаться со своим пустынным спокойным житием, но, зная мою веру и любовь к нему и видя возложенную на меня трудную обязанность и сколь нужно мне его вспомоществование, – решился быть неразлучно со мною. К тому же видел, что и сестры усердно к нему расположены и все советы и наставления его с верою и благоприятно принимали, много пользовались оными и утверждались. Да и любим был старец и уважаем не только от сестер, но

и от мирян, которые и келию для него за семь верст от монастыря построили.

Там он уединенно жил, а сестры, все вместе посещая старца, с великою духовною пользою возвращались от него. Но он был весьма уже дряхл и немощен от старости, потому две зимы переселялся для жительства в монастырь и первоначальная сестра служила ему. Когда вышла крамола и несогласие в монастыре, тогда старец Василиск много увещевал крамольных и недоброжелательных, а мирных утверждал пребывать непоколебимыми в своих обетах.

Когда должен был я от монастыря удалиться и с моим старцем разстаться, тогда я пришел к нему в его пустыню и он многими словами увещал и подкреплял меня. Потом со слезами и взаимною нашею печалью дал мне благословение, назнаменовал меня крестным знамением и из объятий своих отпустил меня; и тако я разлучился с ним, оставя его в уединении. По отъезде моем взяли его в монастырь, где, немного пожив в озлоблениях, предрек свою кончину. Каковы в нем были чувства молитвенные по разлуке моей с ним, перед самою кончиною и в час его скончания, я, недостойный, не сподобился лично от него слышать, ибо уехал в Тюмень, разстоянием за 260 верст, и там уже меня известили о кончине старца. Я поспешно прибыл к нему и обычное иноческое сотворил ему погребение в печали и радовании духа моего: скорбел и тужил, что такого любимого моего отца, наставника и друга лишился, и радовался о вечном его блаженстве, зная несомненное его богоугодное житие. Удивления же достойно, что без всякого возвещения почти весь народ городской сошелся на его погребение.

Послуживый старцу при кончине его боголюбивый крестьянин сказал мне о нем, что во время болезни и близ кончины своей вспоминал меня непрестанно. Незадолго же до скончания был словно от кого истязуем. Однако не печалился ниже отчаивался, но, благодушно надеясь на милость Божию, был в совершенной памяти и в уме, и с молитвою испустил дух свой Господу Богу, которому от юности и в старости, до самого скончания с любовью и простосердечием смиренномудро послужил больше 80 лет.

При самом же скончании в совершенной памяти находился, потому, вероятно, что был объят неким великим действием. Ибо когда он совсем уже изнемог, то крестьянин, служивший ему, крестил старца Василиска его же рукою: старец только сам подымал, но от слабости не мог уже руку до плеча доводить и знаками заставлял руку его обносить на нем крестообразно. Крестя же рукою, служитель видел, что грудь его подымается и трепещет необычайным колебанием. Приложил руку свою к его груди и ощутил, что сердце в умирающем сильно бьется и мечется во все стороны, чему весьма удивлялся тот крестьянин.

Я же, ученик старца, недостойный Зосима, при сих его словах тотчас вспомнил слова старцевы, что бывало у него столь сильное движение в сердце от произношения молитвы со сладостию и радованием о Господе, что сердце, трепеща, металось во все стороны и сильно ударяло о грудь, отчего она весьма воздымалась. «...По прекращению же трепета, – говорил он мне, – сердце обливается невыразимою сладостию, как бы умащающим елеем или миром, и весь пламенею и как бы таю в неизреченной любви ко Господу Иисусу Христу».

До самого своего последнего издыхания был старец в устной и сердечной молитве и со словами: «Господи Иисусе Христе Божий...» испустил дух, словно уснул. Но и по изшествии духа еще долго сердцем трепетал, и по смерти своей оставил руку свою правую в показание всем своего Православия в вере – как крестился: три первые перста большие вместе сложены, а последние два меньшие пригнуты к длани.

Будучи в живых, старец Василиск отнюдь не давал вид свой красками изобразить от великого смирения. Уже после кончины, как лежал во гробе, совершенно сходно написан со сложенной его рукою.

Преставился Тобольской губернии в городе Туринске в Свято-Николаевском девичьем монастыре 1824-го года Декабря 29-го дня в 5 часов до полуночи и погребен в том же монастыре близ соборного алтаря на северной стороне при множестве народа, по усердию к нему стекшегося.

Свидетельствуют о его богоугодном житии и облагодатствованной его душе бывшие в нем молитвенные действия, в особой книжке написанные, в 75 действиях, которые многими духовными иночествующими отцами разсматриваемы были при жизни еще его, также и по его кончине.

Еще свидетельствует Житие ученика его, юноши Петра Алексеевича, по прозванию Мичурина, который его наставлением и примером в великом постничестве и подвиге жизнь свою скончал, как в особенной книжке его жизни показано.

Часто старец Василиск подкреплял себя и прочих такими благонадежными словами: «Бог – премудр, всемогущ, богат и милостив, поэтому, что Он ни делает, уж не ошибется, но хорошо сделает. Он всемогущ, а потому уже ничто воле Его противостать не может, Он многомилостив, а потому помилует и меня грешного. Богатства у Него много, а потому даст и мне». Во все тридцатилетнее время моего с ним жития не слыхал я от него самохвальных слов, чтобы он вознадеялся от своих дел помилование получить, но всегда надеялся только по единой Божией милости быть помиловану. Когда сами пользующиеся от него, бывало, станут ублажать его хвалами, старец мой Василиск отвечал им: «Дай Боже, чтобы мною пользовались, ибо Господу Богу слава и хвала, если он других мною пользует, Он, а не я, ибо я заподлинно знаю, что многогрешен и ничего добраго от себя не имею...»

20. ПРЕПОДОБНЫЙ ЗОСИМА

После кончины Старца Василиска, дабы успокоились неприятности в новоустроенной женской обители, Старец Зосима, взяв с собой 22 верных ему сестер, отправился в Московские пределы, где с помощью благотворительницы М.С. Бахметьевой, устроил сестер в настоящей пустыне, болотистой и безлюдной, и с Божией помощью иноческая жизнь наладилась. Скучая по своему сотаиннику, он устроил себе в некотором разстоянии келью в духе его сибирскаго уединения, вырыл колодец, поставил крест и подвизался, готовясь к исходу, что и случилось через 7 лет. Сначала он уединялся на 5 дней в неделю, но после принятия схимы ушел в себя.

Трогательны описания его преданных сестер о предсмертных беседах о вечности, к которой он давно был готов. За час или более до своей

кончины он подал знак Маргарите, чтобы она к нему наклонилась, и тихо сказал: «В надежде умираю». Перед кончиной прижал к груди свою икону Казанской Богоматери и предал душу Богу. Это было в 1833 году, когда ему было 67 лет.

Обитель после кончины старца процветала, благодетель С.Л. Лепешкин строил необходимые постройки, прекрасный храм, ограду с башенками. Его племянницы Вера и Маргарита были игумениями, а Оптинский старец Антоний их духовно опекал. Сохранилась целая папка его писем сестрам.

После мученической кончины последней настоятельницы, Афанасии, обитель заглохла, как бы заснула, как в сказке Спящей Царевны, хотя внешне все предано было запустению, как и вся Св. Русь, скрылась в подполье, и на много лет, но дышала потаенно Богом, и Господь после определенного срока разбудил обитель-Царевну, и она вновь проснулась ко внешней жизни, и процветает, по милости Божией. Призвал Господь новых сестер-подвижниц, поставил игумению и, о чудо, Зосиму прославили со всеми преподобными Святорусскими. Затруднение было одно. Вскрыв могилку Зосимы, там не оказалось его мощей; видно из за страха, чтобы безбожники не осквернили его останков, его перезахоронили и неизвестно куда. Но это не помешало, и 5 святителей прибыло на торжество, произошедшее в Воскресение 10/23 Июля 2000 года при ясной погоде, так что вся природа, окружающая дебри и болота, торжествовали, радуясь за своего пустынножителя, и даже колодец его пустынный найден, и существует. На торжества прибыла настоятельница Сибирской обители, где мощи Василиска пребывают под спудом, и привезла в подарок икону обоим неразлучных старцев Зосиму и Василиска, ожидая прославление последнего. Было много монахинь с несколькими игуменьями разных обителей и много паломников, почитателей наших дорогих сибирских пустынников.

Итак, для новой России Господь снова даровал и сделал доступным скрытое сокровище духовное. Иди, бери и вдохновляйся! Новь святорусская может свободно идти по проторенному пути Стяжания Духа Святаго! Покойный Иеромонах Серафим Роуз считал, что главным притягателем современного Богоискателя к св. Православию безусловно является Достоевский; он своим духом жажды Божией и знанием порочности «модного» современного человечества, подводит к истине, где одним из главных двигателей является его «литературный Старец Зосима», образ которого был Достоевским взят из книги о нашем скромном Зосиме. Это еще подтверждается тем, что книга о нем на английском языке, разлетевшаяся ныне по всем частям света, творит свое святое дело: призывает души Богоискателей ко святому Святорусскому Православию.

Преподобные отцы наша Зосимо и Василиске молитесь Бога о нас!

**СТАРЕЦ ВАСИЛИСК:
О БЛАГОДАТНЫХ ДЕЙСТВИЯХ
ИИСУСОВОЙ МОЛИТВЫ
ПОЛНЫЙ ТЕКСТ РУКОПИСИ,
ПЕРЕПИСАННОЙ О. СОФРОНИЕМ (САХАРОВЫМ)**

После 25-летнего общения со Старцем Афонским, Схимонахом Никодимом, Господь сподобил посетить в его ущелии на крутых утесах скалистаго южного берега Святой Горы, на Карулии.

Старец хотел опубликовать молитвенный дневник своего Старца, Иеросхимонаха Феодосия, и нужно было отредактировать его при личной беседе, т.к. были существенные вопросы. В беседе коснулись Старца Василиска и рукописи его о Молитвенных Действиях Иисусовой Молитвы, которая, очевидно, пропала вместе с разгромом женской обители недалеко от Москвы, где она хранилась.

«Нет, – воскликнет О. Никодим, – она у меня есть. Ее переписал, но не всю, Отец Софроний, тот что о. Силуане писал, когда был тут у нас на Каруле». Каково же было наше удивление, когда через минуту он вручил нам ее. Она совсем небольшого размера.

Ее не издавали из-за боязни, что для малоопытных она может плохо послужить. Из-за такого опасения ее замалчивали.

Но О. Никодим сказал, что «неразумно из-за такой боязни лишать истинных охотников духовнаго делания. Пусть все знают о Молитве Иисусовой, хотя и единицы займутся всерьез этим святым подвигом и тогда, достигшие непрестанной молитвы, будут вымалывать свихнувшихся, а то ведь погружаются в тину нерешительности. И добавил, что вообще конец всему уже скоро приближается. Долго ли еще Афону устоять перед такими усиленными натисками мира? Надо смело говорить об Иисусовой Молитве с художественным приемом. Вообще церковные дела плохи (умножение ересей, новостильники и т.д.). А молитва Иисусова устоит!

Мы писали О. Софронию в Англию, даже ездили к нему, но конца рукописи он так и не обнаружил за все эти долгие годы. Только после его смерти католики издали полностью, и мы смогли пополнить ее в православном контексте.

Надо иметь в виду, что проявление святости у Старца Василиска было явление крайне редкое и не подлежит оно подражанию обыденному человеку, ибо высокий уровень его возвышенной жизни был результатом огромнаго, почти сверхчеловеческаго подвига. Да не дерзаем следовать ему, не покорив в себе внешнега страстнаго человека. Печатаем же с целью пролить больше света на милость Божию, содержащуюся в сокровищнице Русскаго Исихазма.

***Рукопись схим. Зосимы (Верховскаго)
о благодатных действиях умно-сердечной молитвы,
бывших со старцем его и подвижником
О. Василиском.***

Составлена сия рукопись Схимонахом Зосимою со слов О. Василиска, который из любви к ближним не скрывал бывшей с ним милости Божией, и не только чистосердечно открывал все своему искреннему другу духовному и сподвижнику Отцу Зосиме, но даже и рукопись последнего сам рассматривал и поправлял, с завещанием Отцу Зосиме – хранить тайну до его кончины, что последний свято исполнил.

Находится сия рукопись в Троице-Одигитриевой женской обители, устроенной О. Зосимою.

Старец Василиск происходил родом из крестьян Тверской губернии (Калязинского уезда). Сначала подвизался в тамбовских лесах, 10 лет после того прожил в Брянских лесах, тогда еще дремучих и непроходимых, под руководством Старца Иеромонаха Адриана, а по переходе последнего в Коневскую обитель три года прожил в совершенном одиночестве. Затем, по настоянию своего духовного Отца и Старца, вышеназванного О. Адриана Иеромонаха, перешел и он в Коневскую обитель, в скит пустынный ее, где прожил еще 10 лет совместно с другом своим схимонахом Зосимою, тогда еще молодым подвижником. После сего, по благословию О. Адриана, оба они переселились в Сибирские леса, в Тобольскую губернию, близ города Туринска, где провели 24 года, хранимые благодатию Божию от всех бед и напастей от диких зверей. Впоследствии Старец Василиск поселился в 8-ми верстах от устроенного его другом женского Туринского монастыря, где и скончался кончиною праведника 29-го Декабря 1824 г., незадолго перед тем разлученный вследствие несправедливых гонений со своим возлюбленным другом О. Зосимою, который после блаженной кончины своего Старца, потерпел еще больше прежних гонение и скорби, переселился наконец в пределы в 60-ти верстах от Москвы, в Верейском уезде. Умер Октября 24-го дня 1833 г. сей праведник. С надеждою предал свою святую душу в руки Господа, Ему же от юных лет с любовью и преданностью усердно сподобился послужить.

Старец Василиск, сначала с такою скорбью и трудом разлучившийся с дорогою ему пустынною жизнью в Брянских лесах, вскоре был вознагражден за то, что оставил ради О. Зосимы свою пустыню и пустынников-сподвижников, от своего молодого духовного друга тем, что О. Зосима объявил ему учение о молитве сердечной, сем тайном сокровище монашеской жизни, о чем О. Василиск до того времени не знал при всей своей богоугодной подвижнической жизни. О. Зосима за короткое время своего пребывания в монастыре Коневском (3 года) весьма преуспел в духовной жизни, так что многие называли его «младой Старец», в отношении же понятий и разсуждений духовных он превышал даже своего Старца Василиска, ибо по учению и просвещению ума своего был он уже более сведущ во всех писаниях святых.

О. Василиск, узнав от О. Зосимы о священном умном делании, употребил все старание свое и усердие по Богу в сем духовном упражнении и весьма преуспевал в благодатных утешениях, за что еще более умножилась его любовь к О. Зосиме, котораго он никак не хотел уже согласиться принять ни на степень сына, ни ученика, но имел его как искренняго духовнаго друга и брата возлюбленнаго и сотаинника. Отец же Зосима не уступал О. Василиску в истинном смирении сердца, ибо все свои познания и разсуждения почитал за ничто в сравнении с тою благодатью, которую еще более увидим в О. Василиске от чудных духовных действий священной молитвы сердечной.

Хотя и О. Зосима, благодатью Божию, тоже не без духовных утешений проходил священное делание умной молитвы, однако не имел таких великих и сильных действий, как О. Василиск. Впрочем, и сие, несомненно, по Божию смотрению, ибо если бы О. Зосима был в таком же устроении душевном от действия молитвы, как О. Василиск, то, находясь пости всегда в восхищении ума к Богу, он не был бы уже

способным к другим душеспасительным занятиям, а именно: руководству многих людей на пути спасения, на что был избран и призван от Господа, как очевидно из его жития.

***Повествование о благодатных действиях
умно-сердечной молитвы в пустынножителе
старце Василиск, писанное учеником и
другом его Схимонахом Зосимою.***

«Благоволением и милостию Господа Бога и Спасителя нашего Иисуса Христа сподобился я, грешный и недостойный, из уст Старца моего Василиска слышать то, что он, не утаивая любви ради моей к нему, открывал мне в беседах о благодатных действиях, бывающих с ним во время умно-сердечной молитвы».

**1 ПЕРВОЕ ДЕЙСТВИЕ:
РАЗВИТИЕ В СЕРДЦЕ ЛЮБВИ**

Когда Старец узнал об этой сердечной молитве (ибо раньше он о ней не ведал), весьма порадовался тому, что такое внимание есть средство удерживать ум в молитве и только в Божественных размышлениях пребывать. И так начав в ней подвизаться, умножил свои молитвы до того, что в полное изнеможение от долгаго в ней стояния пришел и довел себя до сердечной болезни, так что уже невозможно ему было не только заниматься сердечной молитвой, но и ни ходить, ни стоять, ни сидеть от невыносимой боли сердца. Долгое время он провел в постели, но едва болезнь отпустила его и он немного поправился, он опять усиленно углубился в умное внимание сердечной молитвы. Замечая, что, занимаясь умной молитвой, он опускает чтение и пение псалтири и канонов, он недоумевал, угодно ли Богу такое его моление в сидении, и очень о том смущался, но не имел единогодушного о Боге духовнаго сожителя, с которым мог бы о сем разсуждать, кроме меня. Прибавив к обычному своему воздержанию еще большее воздержание в пище и сне и усердно о том помолвившись, он опять сел на молитву, как обычно, умильно умно Бога моля, когда вдруг излилась в его сердце напостижимая сладость, слиянная с любовью к Единому Богу, и вместе с этим он забыл обо всем на свете и весьма этому необычайному утешению удивился, как сам поведал мне, недостойному: «Настолько был услаждаем, как не надеялся быть услаждаем и в Царствии Небесном». И с тех пор были ему разные действия внутри сердца.

(Преп. Варсонофий Великий и Иоанн говорят, что каждый дар дается чрез скорби – см. «Ответ» № 264).

2. Иногда при чистой молитве как бы нечто весьма хорошее и вкусное есть.

(Такое испытывал Преп. Антина Валаамский – см. Житие Верхотурскаго Ильи).

3. Иногда якобы что-то изливается из сердца со сладостью.

4. Иногда кипит в сердце от чрезмерной сладости.

5. Иногда чувствует себя настолько легким, как воздушным, и как будто бы радостно летающим.

(В описании Преп. Симеона Нового Богослова о некоем юноше Георгии, кто, по преданию, был сам Симеон, есть нечто подобное.)

6. Иногда, разсуждая о сладостях и утешениях, которые бывают ему, помышляет, что самого себя ими утешает, а не Богу молится, так как ум его углубляется в сердце, а не на небесах пред Богом предстоит, и только восхотел ум к Богу вознести, как зрит ум свой, подобно облаку, возлетающим на небо к Богу, и тогда в сердце перестал молиться, пока ум не возвратился опять и не вошел в сердце.

(У Преп. Исихия Иерусалимского в Слове «О Трезвении и Молитве» /Том I, гл. 35/, толкуя Псалом 68, стих 34, говорит о подобном не в переносном смысле, а из собственного опыта.)

7. Иногда размышляет о словесах Господних в Евангелии самарянке: «Иже пиет от воды сия, юже Аз дам, не вжаждется во веки, но вода, юже Аз дам ему, будет в нем источник воды, текущий в живот вечный» (Ин. 4, 14), и от сего размышления сладость великая разливается в сердце его.

8. Иногда о других в Евангелии повествуемых словесах размышляя, ощущал подобные сладостные действия, но ради множества оных и сходственности не записывал.

9. Иногда, сидя долгое время в единой молитве углубленно часа 4 и долее, вдруг внезапно возчувствует неописуемую радость, услаждающую настолько, что уже более и молитва не творится, но только чрезмерною любовью ко Христу пламенеет.

(Преп. Исаак Сирин говорит, что когда Дух Святой действует через человека, тогда даже молчаливые кости возрадуются славословием к Богу, по слову Псалма 34, 10 – см. С. 391).

10. Иногда, сидя долго, часа четыре или более, углубясь в одну только молитву, вдруг неожиданно ощущал неуподобимо услаждающую радость, так что и молитва переставала твориться, а чувствовалось одно только пламенение чрезмерною любовью ко Христу.

11. Иногда от великаго внутренняго душевнаго радования о Боге многия чувствует в сердце сладости и любовь безмерную ко Христу и не находит слов, какими именовать Господа нашего Иисуса Христа, ибо «молитвы Иисусовой» кажется ему мало. И так о том сожалеет и болеет оттого, что неизвестно ему, как эту молитву именовать, что бывает без молитвы, так как слова молитвы утаиваются и не видятся, а только единая сладость сильнее кипит и обурекает сердце его и от чрезмернаго рвенія преизливается вон из сердца, подобно реке.

(Св. Каллист, Патриарх Царьградский, в своем «Слове о Молитве», описывая это состояние, уподобляет «треблаженной воде», т.е. трезвенной душе, наполняющей внутренняго человека божественной влагой, а внешняго человека пламенем.)

12. Иногда попытается вообразить Христа Господа младенцем и тогда весь сладостью исполняется.

13. Иногда от великой молитвенной сладости и в утешение многое пребывает, сидя во внимании умнаго чистаго моления, до 6-ти часов и более.

14. Иногда от чрезмерной любви ко Господу Богу и размышления о своем недостойнстве сами из очей слезы умиленные истекают.

15. Иногда от многой внутренней сладости и животворительной духовной радости внутри сердца слезы испускаются обильно.

16. Иногда приходит такая радость, что не только сердце, но и все члены и составы преисполняет и во всей крови как бы кипит, и нет такого места, в котором бы не чувствовалась бы эта чудно действующая непостоянная сладость, до того, что сердце от нетерпения делается трепетно.

(Преп. Григорий Синаит в Слове «О признаках благодати и прелести» делает различие трепета, перваго, как начала премудрости, освежающего душу радостью, а втораго как оупления, поглащающего воспалением страстей.)

17. Иногда же не только сердце трепещет от таковыя умноженныя, неизреченныя и нетерпимыя сладости, радости и распаленныя любви к Богу, но и все тело трепещет, колеблется, как при лихорадке, но не болезненно, и так сильно колеблется всем телом, что едва сидеть может.

18. Иногда при таковой утешительной вышесказанной сладости и трепет сердца и всего тела уже не имеет молитвы, ниже силы молиться или власти ея производить, тем более тогда бывает отрешен всех помышлений века сего, и бывает уже без всего, только единой утешительной сладостью весь облян или как бы погружен, и так весь в чистоте предвзят и углублен в любовь Божию.

(Преп. Исаак Сирин описывает подобное состояние в Слове 23.)

19. Иногда сам дремлет или обычно спит, а молитва сама собою в сердце усладительно действует и явственно, иными словами чисто, в сердце гласит.

(В книге Песнь Песней» сказано: «Я сплю, а сердце мое бдит (бодрствует)», см. учение Преп. Антония Великаго в «Добротолюбии», Том I.)

20. Иногда с иными разглагольствует и разсуждает о чем-нибудь, достойном внимания, также когда ест, пьет, сидит или ходит, а молитва, непрестанно услаждая, в сердце сама творится.

(Апостол Павел в Первом послании к Фессалоникийцам (5, 17), заповедовал: «Непрестанно молитесь».)

21. Иногда вопрошал Старца, как в сердце иметь молитву, он отвечал так: «Ныне не ведаю, когда бы молитва в сердце не творилась».

22. Только ему от Бога сия молитва была дарована, как однажды восхотел он испытать себя, сможет ли он пребыть в ней 12 часов, не вставая и не переставая бодрствовать, и не только не устал или изнемог или охладел, но сладость молитвенная, может быть, еще удержалась бы долее, если бы я не прервал его приходом моим и не видел его изменившимся в лице, умиленного и обрадованного.

23. Иногда такая радостная сладость и утешение, палящее любовью Божией, впадает в его сердце, так что недоумевает, какими словами объяснить или к чему применить, потому и утаено сие от меня, недостойного его ученика.

24. Иногда, наивеличайшей любовью ко Христу и сладостью объят будучи, от сильнаго онаго действия ошутительно чувствует, яко Самаго Христа Господа во образе младенца, в сердце своем.

25. Иногда от превеликия ко Христу любви и от неизреченныя сладости, радости с утешением, и от таковаго совокупнаго с сильным ощущением действия уже не младенствующаго Господа, но в совершенном возрасте пребывающаго на земли, чувствительно объемлет в сердце, яко друга, Христа Господа. И сие действие находит не от воображения, ибо он,

будучи весьма смирен, никогда не дерзал помышлять о сем, чтобы явился ему Христос Господь Бог.

(Преп. Симеон Новый Богослов часто говорит о видении Христа, напр. гл. 2 и 13.)

26. Иногда из всех жил и составов и костей очень ощутительно и явственно, как некия источники безсмертной сладости, текут в сердце с ощущением благодати, милостию Божией: и хотя от великаго своего смирения на принимал, но отвергал это, но поневоле ощущал таковое извещение.

27. Иногда из сердца подобным образом изливается таковая же сладость и с таковым же извещением (ощущением) во все члены, жилы и составы.

(Многие Отцы Церкви говорят о таком излинии благодати, напр. Преп. Симеон Новый Богослов и Преп. Исаак Сирий в Слове 68.)

28. Иногда, сидя и углубясь в молитве, побеждается естественным изнеможением и усыпает тонким сном и бывает в видениях различных духовных, от них же из многих сие памяти достойно: зреть, яко носит младенствующаго Господа нашего Иисуса Христа и повелевается ему едино сие имети дело – носить Христа, пока не возрастит, т.е. всю жизнь до смерти, хотя бы и пришлось принять ради Него поношения, но Он, Господь Сам, сохранит его. И так пробудившись, от радости и любви и благодарности к Богу многия долго проливает слезы.

Еще иногда созерцает рай, т.е. утешительныя, несказанныя красоты, жилища и дома, и места. И умилившись, много слез проливает. Так же иногда видит страшные и разнообразные места пыток и мучений и муки и, опечалившись, надолго заплачет. В подобных сонных видениях иногда бывает ему открыто будущее воздаяние грешным и праведным, но, не умея объяснить, говорит, что неисповедима страшная участь и нестерпимая лютость грешникам и неизреченная сладость и радость праведным. Иногда же предугадывал и некоторые перемены в своей жизни и других Отцев, которые по времени и исполнялись.

29. Иногда от долгаго сидения возболит сердце и сам весь изнеможет и, уже не чая получить некое действие, бываемое от молитвы, и не имея сил долее молитву продолжать, вдруг нечаянно нападает действие молитвы с неизреченными утешениями, и тогда вся болезнь исчезает, и сердце здорово, и тело сильно, и молитва чистейшая истекает с ясным выражением молитвенных слов. («Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешнаго».)

30. Иногда весьма жаждет и тщится изобрести некое Божественное размышление, которым бы возмог произвести в себе молитвенное действие, и этого ради усиленным вниманием чистейше внемлет, умом припадая к Богу внутри сердца своего. Но все подобные усилия свои видя тщетными, поясняет, что бываемые с ним действия происходят не иначе как по милости Божией.

(Святитель Феофан говорит, что Действие Духа Святаго невозможно вызвать сознательно своим усилием.)

31. Было единожды, яко свет, осеняя над главою и распространяясь, к небесам простирался и по оному свету являлись цветы наподобие прекрасных маков, не знает, чему еще уподобить оные, и не мог тогда молитвы производить от чрезмернаго углубления, ввержения и кипения в сердце и во всем теле, и от нестерпения великия сжимания творил, не

вмещающая обилия той сладости. И начало умалиться и утихать видение света так же, как во время стужи, не стерпевая от охватившей тело и сердце иной сладости, также крепкие сжимания производил и все больше и больше, и начали услаждать, умножаясь. И сердце как бы распространилось наподобие великаго горна и наполнилось жара огненного, чему удивляясь и недоумевая, что творит, приложил палец правой руки к сердцу, отчего палец опалился болезненно. Он немедленно отнял руку прочь и размышляет про себя, что же будет дальше, и пока он думал об этом, как бы мрачное облако начало находить на этот жар. Он, видя это, помыслил: «Видно, уже более мне от милости Божией ничего не дастся и отнято все от меня, грешнаго». Как стала более умножаться темнота и по сем все исчезло и молитва со сладостью прекратилась и долго не творилась, и понемногу опять пошла по обычаю. По возстании от молитвы несколько дней болел еще опаленный палец, как это бывает при ожогах. И не мог бывшей в сем действии сладости отменной ни уподобить чему, ни описать, ни наименовать, и прочих действий услаждения иначе объяснить не может, как только именуется «сладость».

(Апостол Павел к Евреям говорит: «Бог наш есть огонь поядующий (12, 29). А Преп. Илия Екдик пресвитер пишет в «Добротолубии» так: «Когда душа, упразднившись от всего внешнего, сочетается с молитвою, тогда как бы пламя некое окружает ее и делает ее всю, как железо, огнем проникнутою. И тогда душа только бывает неприкосновенною, подобно раскаленному железу, для всего сторонняго» (103). Египетский пустынный описывает подобное, как изложено в «Житиях Пустынных Отцев».)

32. Во время услаждающей молитвы чувствует иногда как бы некое благовоение (хотя от природы, по естеству, имел обоняние нечувствительное), но во время молитвы ощущает весьма благоухание, наподобие неких благовоющих духов ароматных, цветов и ягод или благовоного ладана, и еще явственнее хотел было описать ощущаемое благовоение, но не ведает, чему уподобить, ибо кажется ему это благоухание душистее и приятнее многоценнаго мира и подобное благоухание часто ему бывает.

(Апостол Павел говорит во Втором Послании к Коринфянам (2, 14), что Бог дает во Христе «благоухание познания о Себе» и что запах животельный на жизнь. Преподобный Сергей Радонежский и Герман Аляскинский оба при смерти заблагоухали небесным ароматом, что обоняли присутствующие их ученики.)

33. Как только дано ему было от Бога делание этой молитвы, так что почти все время днем и ночью в ней проводить, того ради оставил и умалил всякое рукоделие.

34. Иногда, потребы ради некия возстать желая, окончить свое моление стоя, обычным малым чтением, и тщится вниманием удержать свой ум в содержании прочитываемаго, но не может, поскольку сама собою молитва «Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий» влечет внимание к себе внутрь сердца явственно и чисто, с услаждением и не чувственно, как бы невольно отводя память от читаемаго.

35. Иногда, бывая празден и стоя, думает, какое бы дело делать, и тут же чувствует действующую молитву в сердце с услаждением и как бы влекущую его единою ею заниматься.

36. Однажды пожелал из любви мучимым быть за Христа и в это время, воздремав на молитве, видит, что это предстоит ему, «если будет плакать и скорбеть».

37. Иногда такой бывает в сердце трепет от великаго кипения в сердце и во всем теле, как бы волнующая сладость, так что едва от сильного колебания может сидеть и до того умучится безмерным колебленным трепетанием, действующим от несказанной сладости и радости и утешения, происходящих от любви наичувствительнейшей к Христу, от иных непостижимых, новых чудных наслаждений, так что и головы не в силах держать, обычно также и руки и ноги от слабости по прекращении трепета имеют опущенные, голову, как бы привязанную и лишенную собственной силы, не может утвердиться в своем положении, но от слабости на все стороны склоняется. Но по утешении вскоре вдруг отходит слабость эта от него и возвращается обычная сила и крепость.

(Об этом сладостном колебании и трепете, часто появлявшимся у Старца Василиска, упоминается у Апостола Павла в Послании к Римлянам (8, 26): «Мы не знаем, о чем молиться, как должно (молиться), но Сам Дух ходатайствует за нас воздыханиями неизреченными». Святитель Феофан из своего опыта подтверждает это блаженное страдание, а Преп. Григорий Синаит в 4-м томе греческой «Филокалии» указывает два вида: спокойное колебание и великий трепет; первое как бы ВЗДЫХАНИЕ духа, безсловесно ходатайствующаго за нас Богу; а второе, он описывает нам ВЗЫГРАНИЕ живаго сердца, как бы парение в области Божества.)

38. Иногда, будучи одержим безмерною сладчайшею ко Христу любовью, ощущает чувственно Самаго Господа нашего Иисуса Христа в подобии человеческом в своем разпространенном сердце и его лобзанием утешается и тем прохладяет страждущее необычною сладостью сердце свое.

39. Иногда бывает поражен нестерпимой сладостью, так что не ведает, какими словами изъяснить свое страдание, рече: «Яко бы было копьем пронзено сердце». Сколь несносна и нестерпима эта болезнь, столь нестерпимую сладость и радость самоутешительную ощущает он в своем сердце, отчего и приходит оно вне себя.

40. Единожды, лежа на обычном своем прискорбном одре, с вниманием и производимой от него молитвой, внезапно вдруг возчувствовал в сердце и во всем себе сладость, усомнившись о такой необычной сладости, стремительно во множестве напавшей на него, возстал на сидение, но, сидя, не ощущал таковой.

(Св. Евангелист Иоанн Богослов: «Дух дышет, где хочет, и голос его слышишь, а не знаешь, откуда приходит и куда уходит: так бывает со всяким рожденным от Духа» [Ин. 3,8].)

41. Иногда, будучи превзят обычным утешением в сладости, созерцал источник текущей сладости один в сердце, от правья стороны текущий, а другой из сердца льющийся наподобие желтаго чистаго меда, и под оный, исходящий из сердца, подставляем был стакан, и по наполнении его сладостью, подобной желтому меду, другие стаканы были подставляемы. На все же сие он умне с трезвенностью смотрел с удивлением, был духом в благодарности ко Господу Богу и утешался.

42. С начала сидения примерно час ощущал разнообразные движения и действия, с обычной сладостью в меру, но потом пришла большая

сладость и утешение, и уже он молитву творил в несказанной сладости со отъятием всех от сего света помышлений. И таковая умноженная сладость продолжалась почти час и по утишении ее и молитва переставала и сладость умалаялась, по прекращении же всего как бы дыхание некое, наподобие ветра или воздуха, ощутило сердце.

(Преп. Гавриил Псковский и Казанский имел нечто подобное: лежа на одре болезни, он имел видение некоего голубя, который оведал его небесным сладостным ветром, подавая бодрость, паря над ним немного выше его лица [«Един от Древних», автор О. Симеон Холмогоров.] См. житие Преп. Парфения Киевского.)

43. Иногда, сидя и внимая молитве и всеусиленно понуждая внимательно ум свой углубиться внутрь единого сердца своего и так держа его неослабно, отнюдь не попуская ему парить или изыти из сердца, отчего сердце, не стерпевая, начнет трепетать и колебаться и метаться во все стороны и от такого великаго возмущения сердце обливается сильною сладостью, и посем сердце подвергается как бы кипению и иным необычным ощущениям, непостижимым уму и неизъяснимым словами, и потому наименованных «необычною сладостью», в которой пламенел любовью к Богу.

44. Однажды произошло следующее: сидя долгое время, он встал, желая посетить своего ученика и друга, но внезапно почувствовал необычное в безмерной сладости подвижение во всем себе, и особенно в сердце, и необычно чувствительную молитву, творящуюся весьма явственно, чего ради и стал внимать, и вскоре начали являться в сердце многая сладость как бы сгущенная, которая с произнесением сердечной Иисусовой молитвы разсыпалась внутри сердца, и долго смотрел на это с удивлением и утешением, ощущая все более увеличивающуюся в нем необычную сладость, отчего и простирался весь горящую любовью ко Господу Богу и размышлял в себе, чему бы уподобить оную разсыпающуюся сладость, но не найдя сходственного уподобления, так сказал мне, что это как бы наподобие ореховаго ядра, от кусания разсыпающегося. А когда сладость разсыплется, сердце еще более разпространяется и около молитвы как бы свет находит и умножается, сердце же еще пространнее разпространяется и до того услаждается этим страшным действием, что приходит как бы забытье, и неведомо как сам весь вошел в сердце и свет этот, ибо сердце его чрезмерно разпространенным ему показалось.

45. Иногда сидел и сон его одолевал так, что и молитва терялась, пробудясь же, видит опять молитву в себе, творимую со услаждением обычным.

(Преп. Исаак Сириянин в 37-ом Слове говорит подобное.)

46. Бывает иногда, вдруг молитва умолкнет и сердце утихнет и так затаится, как бы и вовсе его нет, даже и естественное его бдение престанет. Умно в сердце смотря, хочет молитву произнести, но нет молитвы, не показывается и не чувствуется, только единою сладостью бывает весь объят.

47. Однажды, при подобном болезненному, великом трепете чувствовал кипение сладости в своем сердце, но вскоре остановилось это трепетное движение и молитва, и трепет сердца утих, подобно тому, как кто-либо в лодке на веслах плывет и вдруг грести перестает. По утомлении молитвы, сладости и трепета начал пламень некий охватывать сердце непостижимой

сладостью или как бы некий воздух наполнял его неизреченной, немыслимой и утешительной о Бозе сладостью, и отчего все тело сильно распалилось, так что даже пот нашел.

(Святитель Каллист Патр. Царьградский: Пот во время молитвы есть доказательство присутствия действия благодати.)

48. Сидя долгое время, со тщанием понуждая себя к внимательной великой молитве, которая начала умножаться и являться более и более и вскоре объяла его с сильным колебанием и трепетом всего тела, с неизглаголанной сладостью, а более всего чувствовал в сердце и груди сильное терзание, которое, однако, не было болезненным, равно и прочим членам тела это не приносило ни расслабления, ни озноба, как бывает при великом трепете всего тела, ни изнеможения, но было здорово, легко и радостно, и услаждало новым утешением, но вдруг остановилось и стало разделяться надвое в теле его, т.е. в правой половине в голове и груди, даже до ноги он мало чувствовал сладости, напротив в левой стороне всего тела от сильного в этой стороне сердечного трепета особенно углубилось чрезмерное ВОЛНЕНИЕ, и трепет нашел на сердце, умножившись до нестерпимаго рвения и терзания, и сосец начал двигаться от сладкаго утешения о Господе, наподобие как бы кто рукой его хватал, хотя прочь отторгнуть. Затем начало уменьшаться мало-помалу и сие действие, дольше всех прежде упомянутых продолжавшееся от разсвета до трапезнаго времени.

(Одним из образов, применяемых у святых Отцов к идее парения духа, изступления, была метафора волн: так и у Свят. Феофана Затворника в «Пути ко спасению»; Преп. Григорий Синаит в «Добротолюбии» уподобляет так же благодать волнам, но вообще у него все больше советы, как бороться со страстями и о такой высокой материи мало; Преп. Макарий Оптинский вообще не советовал страстным «парить», ибо можно, поднявшись, легко упасть. А кто из нас безстрастный?)

Рукопись, с которой переписана сия, после 48-го действия имеет следующую надпись:

«По случаю переписка этой рукописи окончилась 48-м действием, а подлинная рукопись заключает в себе 75 различных благодатных действий, которые испытывал старец Василиск во время умно-сердечной молитвы.

Св. Афон

Августа 1-го дня 1899 г.

Переписал И.С. в мае месяце 1931 г».

Иеромонах Софроний Сахаров.

Продолжение последует, когда найдется подлинный текст а не в русском переводе, т.е. не точные слова Преп. Зосимы, уже прославленного св. Церковью и ставшего Учителем Церкви.

Перепечатано из журнала «Русский паломник» Валаамское общество Америки, № 21 – 22, 2000 г.